

В.В. Шигин

ГИБЕЛЬ «КУРСКА»

Неизвестные страницы
трагедии

Мифы и правда истории

Мифы и правда истории

Владимир Шигин

**Гибель «Курска». Неизвестные
страницы трагедии**

«ВЕЧЕ»

2015

Шигин В. В.

Гибель «Курска». Неизвестные страницы трагедии /
В. В. Шигин — «ВЕЧЕ», 2015 — (Мифы и правда истории)

ISBN 978-5-4444-3951-7

Со дня гибели атомного подводного ракетного крейсера «Курск» минуло уже 15 лет. Но на все ли вопросы, касающиеся гибели «Курска», мы нашли ответы? Все ли обстоятельства той давней трагедии ныне известны? Об экипаже «Курска», о событиях, связанных с трагедией подводного крейсера, о ходе спасательной операции и расследовании обстоятельств катастрофы рассказывает в своей книге участник спасательной операции 2000 года писатель-маринист капитан 1-го ранга Владимир Шигин. Автору удалось собрать и обобщить уникальный материал об обстоятельствах трагических событий августа 2000 года.

ISBN 978-5-4444-3951-7

© Шигин В. В., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	25
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Шигин

Гибель «Курска»

Неизвестные страницы трагедии

*Мои-то куряне опытные воины,
под трубами повиты, под
шлемами взлелеяны, с конца
копья вскормленны...*

Слово о полку Игореве

*Кто посмел тосковать по суше?
Забудьте думать и не горюйте.
Номер приказа... Секретно... Слушай...
Всем, всем, всем, кто похоронен на грунте:
Товарищи матросы, старишины и офицеры.
В годовщину славной победы нашей
Флагман разрешает раздирать двери
И распахнуть горловины настезь.
Рыб и чудовищ морской пучины
Через пробоины гнать косяком,
Бушлаты заштопать нитями тины,
Бляхи надраить золотым песком.
Ровно в полночь с ударом четвертым
Склянок флотских, мои друзья,
Всплыть на поверхность, ровнясь побортно.
Парадом командовать буду я.
И, как приказано, – в полночь
Мы поручни трапов на оцупь хватали,
Тонули мы молча, падали молча
И молча всплывали, всплывали, всплывали...
В хлябях соленых, запрокинув головы,
Распластав руки и открыв рты,
Мы всплывали со стометровой —
А может и более темноты.
Горнисты вскинули к звездам горны
И затрубили, не видя звезд:
Началась переключка сквозь штормы
С норда на зюйд и с веста на ост.
* * **

*Проходим мы морем Баренца,
И Черным, и Белым, и Балтикой.
Нам уж никогда не состариться,
Никогда не мерзнуть в Арктике.
Поднявшись над палубной кровлей,
Мы, год уж который подряд
На волнах, пропитанных кровью,
Проводим привычный парад.
Отбой... Вновь уходим в глубины:
Отсеки телами запрудив,
Ложимся опять под турбины
И падаем возле орудий.
Но если внукам придется с врагом*

*Сойтись в час решающей мести,
Ждите нас – мы снова всплывем,
Но уже с кораблями вместе.
Мы были когда-то, нас нет.
Мы были, мы будем... МЫ ЕСТЬ!*
Валентин Пикуль. Марш мертвых команд

© Шигин В.В., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

* * *

В далекой, занесенной снегами и продуваемой ветрами заполярной Ара-губе стоят атомоходы Северного флота. Они теснятся у причалов в ожидании приказа вырваться на океанские просторы. А потому несведущий человек не сразу поймет, почему всегда пустынно только у одного и того же восьмого причала. От этой пустоты сразу же становится как-то тревожно. Проходящие мимо причала подводники всегда замедляют шаги у памятной доски, что висит на стене контрольно-дозиметрического поста. Они всегда объяснят несведущему, что именно от этого восьмого причала десять лет назад, утром 10 августа 2000 года, ушел в свой последний поход атомный подводный ракетный крейсер «Курск» Впрочем, объяснять некому, потому что чужих здесь, как правило, не бывает.

Теперь у восьмого причала пусто, только тихо плещет внизу стылая северная волна, да как-то особенно тоскливо кричат пронсящиеся над головой чайки. Больше здесь никогда уже не будут стоять корабли, ибо хозяин этого дома ушел из него навсегда...

Часть первая «Курск» и его экипаж

Глава первая Корабль

Не мною первым замечено, что корабли, как и люди, имеют свою судьбу. Есть корабли-счастливицы, те, у которых все в их жизни получается. Они выходят невредимыми из самых невероятных ситуаций, служа верой и правдой людям долгие и долгие годы. Однако есть корабли, на которых словно лежит печать некоего проклятия. Они буквально притягивают к себе всевозможные неприятности. Их преследуют аварии и катастрофы, на них все время гибнут люди, и в конце концов они погибают и сами, унося с собой немало жизней. Атомный ракетный подводный крейсер «Курск» изначально, казалось, принадлежал к первой категории. Судьба этого корабля вначале складывалась вполне благополучно. Счастливым было прежде всего само появление на свет этого корабля. На фоне развала флота первой половины девяностых годов, массового списания и уничтожения сотен и сотен еще вполне боевых кораблей все же были найдены силы и средства для его достройки. Счастливым было и начало его, увы, столь короткой биографии.

В конце 1960-х годов советский военно-морской флот окончательно вышел на просторы мирового океана. Одновременно перед ним встала весьма непростая задача: как противостоят мощным авианосным группировкам ВМС США?

Первые годы все в этом вопросе обстояло вроде бы неплохо. Но в 1968 году на верфи Ньюпорт Ньюс Шипбилдинг в США был заложен первый атомный суперавианосец нового поколения СУН-68 «Нимитц» – родоначальник большой серии кораблей этого класса, строительство которого продолжается и по настоящее время. По сравнению со своими предшественниками «Нимитц» имел значительно более высокую живучесть и ПВО, рубеж которой расширился до 5000 километров. Резко возросла и ударная мощь плавучих американских аэродромов.

Первоначальный расчет на полки ракетноносной авиации полностью не оправдывался. Да, стратосферные Ту-16 могли наносить удары ракетами в любой точке океана по старым (времен еще Второй мировой войны) авианосцам, однако наличие мощной противовоздушной обороны на новейших атомных суперавианосцах уже изначально снижало их боевую эффективность. Необходимо было новое и неожиданное для американцев решение. И оно было найдено.

Необходимость эффективной борьбы с новыми авианосными соединениями США предопределила дальнейшее развитие в СССР класса крейсерских атомных подводных лодок, вооруженных крылатыми ракетами, способными наносить массированный ракетный удар из-под воды по неприятельским кораблям с больших дистанций и с возможной избирательностью поражения целей. Входившие к этому времени в состав советского ВМФ апл проекта 675 (даже после модернизации) не могли уже гарантировать уничтожения неприятельских морских группировок. Время и обстоятельства требовали создания нового, более мощного и более дальнобойного ракетного комплекса с подводным стартом. Под новый ракетный комплекс, естественно, требовался и новый ракетоноситель, способный вести залповую стрельбу из подводного положения 20–24 ракетами. По расчетам именно такая концентрация ракет гарантировала «пробитие» противоракетной обороны американского авианосного соединения. Кроме этого новый подводный ракетоносец должен был обладать

повышенной скрытностью и глубиной погружения, что обеспечивало бы ему возможность преодоления противолодочной обороны противника и последующий послезалповый отрыв от преследования.

Поисковые работы по созданию подводного ракетносца 3-го поколения начались в 1967 году, а в декабре 1969 года командованием ВМФ было дано официальное тактико-техническое задание на создание «тяжелого подводного ракетного крейсера», оснащенного ракетным комплексом оперативного назначения, – крейсерской атомной подводной лодки, вооруженной крылатыми ракетами нового поколения оперативно-тактического назначения. При разработке проекта нового подводного ракетносца широко использовался научно-технический задел и отдельные конструкторские решения, полученные при создании самой скоростной подводной лодки в мире проекта 661. Новый проект получил наименование 949.

Одновременно под началом академика В. Челомея велась работа и по созданию нового ракетного комплекса. Новая ракета, получившая название «Гранит», была принята на вооружение в 1980–1981 годах. Создателям «Гранита» удалось реализовать весьма не простые задачи: подводный старт ракет, обладающих скоростью 2,5 тысячи километров в час и дальностью полета более 500 километров; управление полетом исключительно с помощью бортовой аппаратуры, без вмешательства извне; подлет к цели на минимальной высоте, что сводило на нет все потуги ПРО.

Академик Челомей считал «Гранит» лучшим из своих творений. «Гранитами» и по сей день вооружены наши атомные ракетные крейсера, включая и новейший «Петр Великий». Ими вооружили и подводные атомоходы 949-го проекта.

«Курск» принадлежал к серии атомных ракетных подводных крейсеров проекта 949. В Центральном конструкторском бюро «Рубин», где был спроектирован этот левиафан океанских глубин, его называли «Антеем». Почему «Антеем»? Вспомним, что Антей – это знаменитый персонаж древнегреческой мифологии. Он был сыном бога морей Посейдона и богини земли Геры. В любом единоборстве Антей неизменно выходил победителем, так как каждое прикосновение к земле-матери давало ему новые силы. Он и погиб только тогда, когда оказался оторванным от материнского лона... Именно силе мифического Антея должна была по мысли конструкторов соответствовать мощь реального атомохода. Добавочная аббревиатура «Аз», появившаяся в обозначении проекта позже, означала более новую модификацию основного базового проекта. Американцы, обожающие в силу своих амбиций давать нашим военным кораблям свои собственные наименования, прозвали атомоходы этой серии «Оскарами». Почему «Оскарами», сказать сложно. Однако если вспомнить знаменитые оscarовские кинематографические номинации, то, вполне возможно, что тем самым они удостоили подводные лодки этого проекта своей высшей номинации-оценки. Признание достойное и говорящее само за себя! Тут уж наш вероятный противник душой не покривил, ведь они не имеют у себя ничего подобного, да и будут ли когда-нибудь, неизвестно. Но американцы, как известно, всегда обожали помпезность и выпренность в названиях. Наши же моряки между собой называют «Антей» по-свойски и по-домашнему – «батоны». Они и впрямь по своему внешнему виду несколько напоминают фантастически огромные батоны. Однако больше все же эти корабли, на мой взгляд, схожи с огромными дремлющими на водной глади китами. По боекомплекту «Антей» в три раза превосходили аналогичные подводные лодки второго поколения. Отныне американские авианосцы нигде не могли чувствовать себя спокойно.

Первоначально на верфях Северодвинска были созданы два корабля проекта 949: «Архангельск» и «Мурманск». Первой из них была К-525, впоследствии названная «Архангельском». Она вошла в строй ВМФ 2 октября 1981 года. Так началась эра «Антеев».

Затем проект был серьезно доработан с учетом опыта эксплуатации первых двух кораблей и значительно усовершенствован. Необходимость в атомных подводных ракет-

ных крейсерах была очень велика. А потому после доработки основного проекта с тех же северодвинских стапелей стали один за другим сходить все новые и новые «Антей», получившие приставку «Аз» к обозначению основного проекта: «Краснодар», «Воронеж», «Смоленск», «Орел» и «Курск» – для Северного флота, «Челябинск», «Томск», Омск», «Иркутск», «Вилючинск» и «Красноярск» – для Тихоокеанского. При этом необходимо отметить, что каждый переход очередного «Антея» с Севера на Тихий океан Северным морским путем являлся уже сам по себе отдельной страницей в истории нашего флота, причем страницей героической. Именно поэтому почти каждый такой переход завершался, как правило, присвоением командирам этих подводных лодок званий Героев Советского Союза и России, а экипажи практически полностью становились орденоносными.

Когда атомоходы типа «Антей» именуют просто подводными лодками, то это говорит только о полном невежестве говорящего, совершенно не представляющего предмета, о котором он говорит, ибо назвать просто лодкой чудо отечественного кораблестроения – все равно что назвать деревнями Москву с Петербургом. Даже официальное наименование АПРК – атомный подводный ракетный крейсер – и то, на мой взгляд, не отражает до конца всей мощи этих подводных монстров. Подумать только: полное подводное водоизмещение этих кораблей достигает почти двадцати пяти тысяч тонн! При длине в сто пятьдесят пять метров и ширине в восемнадцать с половиной они имеют осадку более девяти метров. Чтобы легче представить это себе воочию, поясню, что внешне корпус этого гиганта будет выглядеть, как 8-этажный 9-подъездный дом. Но и это не все! Вспомним, что самые большие в истории отечественного кораблестроения линейные корабли типа «Севастополь» имели водоизмещение всего лишь в двадцать три тысячи тонн! А потому «Антей» не просто подводные атомные ракетные крейсера – это подводные суперкрейсера или даже подводные линкоры. Не секрет, что на сегодняшний день они являются самыми крупными в мире однокорпусными подводными лодками. По водоизмещению их превосходят лишь знаменитые «Акулы», но последние представляют все же собой двухкорпусные катамараны.

Сегодня в открытой печати уже опубликовано немало данных о кораблях отечественного ВМФ, в том числе и об АПРК. На основе этих данных я и позволю себе дать некоторое понятие о том, что же представлял собой «Курск». Итак, согласно публикациям в российской печати, АПРК проекта 949А могут погружаться на глубину до 600 метров. Обладают скоростью надводного хода – 15 узлов и подводного 33 узла. На вооружении состоят 28 противокорабельных ракет «Гранит», расположенных в 28 пусковых установках контейнерного типа. Помимо этого, атомоход имеет 24 противолодочные управляемые ракеты и торпеды в различных комбинациях. Имеется 2 торпедных аппарата диаметром 650 миллиметров и 4 аппарата диаметром 533 миллиметра.

Из рекламного описания АПРК проекта 949А: «...Предназначены для нанесения ракетных ударов по корабельным группировкам и береговым объектам. Модернизированный вариант проекта 949. Добавлен 10-й отсек для улучшения внутренней компоновки средств вооружения и оборудования. По конструкции – двухкорпусная подводная лодка с прочным корпусом цилиндрической формы переменного диаметра, разбитым на 10 отсеков. Рубка имеет ледовые подкрепления и крышку округлой формы, облегчающую всплытие во льдах. В ограждении выдвижных устройств размещены два перископа и антенны: радиосекстанта, РЛС, КВ и УКВ связи, радиопеленгатора, спутниковой связи и навигации. Лодка также оборудована всплывающей антенной буйкового типа, позволяющей принимать радиосообщения, целеуказания и сигналы спутниковой навигации, находясь на большой глубине и подо льдом. Носовые горизонтальные рули расположены в носовой оконечности и убираются в корпус. Главные механизмы имеют блочную конструкцию и систему двухкаскадной амортизации. Контейнеры с ракетами находятся вне прочного корпуса и расположены под углом 45 градусов к горизонту. Противокорабельные ракеты большой дальности

сти полета полностью автономны на траектории, имеют многовариантную программу атаки целей и повышенную помехозащищенность. Все торпедные аппараты расположены в носовой части, могут принимать мины вместо торпед. Для комфортности личного состава имеются спортивный зал, бассейн, солярий, сауна и живой уголок».

Даже столь беглого описания ТТД корабля вполне достаточно, чтобы можно было судить о его почти безграничной боевой мощи.

В октябре 2000 года, во время так называемой второй водолазной операции, в штабе Северного флота я встретился с генеральным конструктором «Антеев» Игорем Леонидовичем Барановым. Он возглавлял группу по оказанию оперативной помощи и консультации тем, кто работал в это время на затонувшей субмарине. Мы сидели за огромным столом, заваленным чертежами и технической документацией, и Игорь Леонидович рассказывал мне о своем уникальном детище:

– Наши «Антей» вошли в состав флота как третье поколение атомных подводных лодок. В мае двухтысячного мы провели научно-практическую конференцию по этому поводу. Увы, тогда ничего не предвещало беды. «Антей» – это без всякого преувеличения вершина отечественного подводного кораблестроения. Лодка очень малозумная, обладает высокой скоростью подводного хода и глубиной погружения, у нее прекрасная обитаемость, а автономность вдвое больше, чем на лодках предыдущего поколения. Мощная система воздуха высокого давления. История распорядилась так, что, согласно советской военной доктрине, нашим подводным лодкам, действующим в океане, в случае начала боевых действий не приходилось рассчитывать на чью-либо помощь. Команды должны были спасать сами себя. В связи с этим большое внимание на лодках этого проекта было уделено и спасению экипажа, для чего предусмотрена спасательная камера, рассчитанная на весь экипаж плюс еще несколько человек. Всплывающее аварийно-информационное устройство сконструировано так, что самостоятельно отстреливается в случае аварии, всплывает и в течение пяти суток посылает радиосигналы с координатами аварии более чем на три тысячи километров. Особое внимание при конструировании кораблей этого проекта мы обратили и на живучесть, которая у «Антеев» весьма совершенна. Все основные агрегаты и механизмы дублированы: два реактора, две турбины и два винта. В свое время на «Смоленске» в Саргасовом море была авария линии вала, и лодка прекрасно дошла до базы на одном валу, сохранив скрытность и выполнив стоявшую перед ней задачу. Аналогичная ситуация была на Тихоокеанском флоте с «Омском», который тоже из-за аварии одной из линий валов прибыл домой всего лишь на одном. В лодку заложен 30-процентный запас плавучести! У американцев, для сравнения, он составляет всего лишь тринадцать. Это значит, что «Антей» при полном затоплении любого из своих отсеков с двумя балластными цистернами все равно обязательно всплывет на поверхность. Одно время бытовало утверждение, что американские однокорпусные и одновальные лодки менее шумны, чем наши двухкорпусные и двухвальные. Практика, однако, опровергла эти разговоры. Шумность «Антеев» не больше, чем у их наиболее вероятных противников американских лодок типа «Лос-Анджелес».

Под стать размерам и технической насыщенности является и боевая мощь «Антеев». Ударную мощь их составляет комплекс крылатых ракет П-700 «Гранит». Что такое «Гранит», очень хорошо представляют себе американцы, для которых этот всепогружающийся комплекс стал настоящей головной болью. Для начала представим себе такую картину. Над безбрежной гладью моря внезапно встают один за другим двадцать четыре водяных столба. Это с многометровой глубины уходят ввысь одна за другой ракеты. Там, на высоте, они выстраиваются в боевые порядки и устремляются к указанной им цели. С этой секунды противник обречен, ибо спасти его уже не может ничто. Особенность «Гранитов» в том, что они не реагируют ни на какие помехи, их невозможно сбить с намеченного курса, как и невозможно обмануть. Ракеты идут пошелонно: впереди разведка, затем главные силы, по бокам флан-

говые дозоры. Если противник пытается перехватить смертоносную армаду, то от нее сразу же отделяется отвлекающая группа, в то время как основные силы продолжают свой путь. Даже при выходе в окончательную атаку «Граниты» никогда не действуют по шаблону. Всякий раз они сообразуют свои действия с условиями сложившейся обстановки. На подходе к цели они разделяются на несколько групп, каждая из которых имеет свою собственную задачу: одна отвлекает, вторая прорывается, третья добивает. Дело в том, что в полете «Граниты» ведут себя почти как живые существа. Они постоянно обмениваются между собой информацией, помогают и защищают друг друга, вместе сообща вырабатывают план нападения и обороны от возможного перехвата. На сегодняшний, да, видимо, и на завтрашний, день оружия, подобного «Гранитам», не будет создано нигде в мире, ибо оно почти абсолютно. И это не пустые слова. Одного залпа «Гранитами» вполне достаточно, чтобы разнести вдребезги целую авианосную ударную группу противника во главе с авианосцем. А кроме этого «Антей» имеют и самое современное торпедное вооружение. Они в состоянии не только защитить себя, но нанести мощный торпедный удар. А потому государство, имеющее в составе своего флота такие корабли, может поспорить за господство над Мировым океаном с кем угодно. Именно поэтому американцы, не без оснований, прозвали «Антей» «убийцами авианосцев» и определили их как наиболее приоритетные цели для своих многоцелевых субмарин...

А вот мнение о своем корабле второго и последнего командира «Курска» капитана 1-го ранга Геннадия Лячина: «Корабль наш вообще, можно сказать, уникальный, имеющий перед подлодками противника целый ряд преимуществ. К тому же такой класс кораблей, совмещающих торпедное и ракетное оружие, у них вообще отсутствует. У нас оружие превосходит их образцы и по мощности, и по спектру своих возможностей, поскольку при необходимости мы имеем возможность одновременно атаковать из глубин океана множество целей, то есть наносить удары по наземным объектам, одиночным кораблям и крупным их соединениям. Кроме того, лодка имеет хорошую маневренность, высокую скорость движения в подводном положении».

Один из конструкторов отечественных атомных подводных лодок, кандидат технических наук капитан 1-го ранга Д. Фланцбаум, отдавший немало лет проектированию наших подводных лодок, оценил «Антей» на страницах военно-морского журнала «Морской сборник» более критически, но в то же время, видимо, также достаточно объективно: «Зарубежных аналогов у атомных подводных лодок проекта 949 нет. У наших монстров 941 (имеются в виду тяжелые атомные подводные крейсера СН типа «Акула». – В.Ш.) и 949, как у великанов по сравнению с нормальными людьми, есть недостатки, обусловленные их необъятными размерами, прежде всего – очень плохая маневренность, связанная с огромной инерционностью и большой длиной корпуса. Если лодки проекта 941 по своему назначению предполагается использовать из отдаленных и сравнительно безопасных для них районов, то корабли проекта 949, предназначенные для действий по крупным надводным кораблям, хотя и с достаточно больших дистанций, все же не застрахованы от возможности воздействия противолодочных сил, а маневр уклонения от противолодочного оружия у них крайне затруднен. Послезалповый уход на большие глубины осуществляется медленно, так как ход и дифферент приходится ограничивать из-за опасности проскочить предельную глубину погружения. Надо еще учесть, что в мирный или предвоенный период малошумные и маневренные иностранные подводные лодки часто следят за находящимися на боевых позициях нашими неуклюжими великанами и при наступлении военных действий или даже при обострении международной обстановки могут без свидетелей расправиться с ними. И ВМФ узнает об этом по факту прекращения связи. Скажем: “Не дай бог!” Но думать об этом надо заранее... Таким образом, экстремальные требования заказчика по оружию – количеству ракет на атомных подводных лодках – обусловили несуразный рост их водоизмещения и соот-

ветственно ухудшение маневренности и повышение уязвимости. Кроме того, вследствие большого количества ракетных шахт в проекте 949 пришлось столкнуться с затруднениями установки достаточно важного, но размещаемого после оружия и атомной установки оборудования. В частности, первую группу аккумуляторной батареи проектанту пришлось установить в первом отсеке. Наблюдение от ВМФ с этим решением не согласилось из-за опасности попадания в аккумуляторы забортной воды из торпедных аппаратов (при этом из аккумуляторов выделяется хлор). Проектант показал, что заданный ракетный комплекс не дает иных вариантов размещения, и в порядке компромисса предусмотрел аккумуляторную яму с герметичной (при обеспечении вентиляции) и весьма прочной выгородкой и предложил считать ее как бы отдельным отсеком (только сейчас мне довелось узнать, что проектант в дальнейшем не реализовал это намерение). С этим пришлось согласиться, но это было не единственным затруднением, ведь и центральный пост управления кораблем пришлось предусмотреть во втором отсеке из-за вытеснения его теми же ракетными шахтами. Разумеется, подводные лодки существуют для несения оружия, но его количество должно быть разумным, не в ущерб живучести и уязвимости корабля, иначе это оружие кораблю не удастся применить.

Необходимо упомянуть о некоторых положительных элементах в проекте 949, имеющих отношение к судьбе «Курска».

Прежде всего – надежная атомная энергетическая установка. У всех поколений атомных подводных лодок были надежные реакторные установки. Даже после пожаров в процессе катастроф аварийная защита срабатывала и обеспечивалось расхолаживание реакторов, во всяком случае предупреждалось аварийное нарастание мощности.

В проекте 949, как и в других проектах атомных подводных лодок третьего поколения, еще предусмотрена возможность расхолаживания реакторов при отсутствии электропитания посредством конвективной циркуляции воды по контурам охлаждения. Таким образом, дополнительных последствий от катастрофы атомной подводной лодки «Курск» (от ее реакторов) можно не ожидать, по крайней мере пока герметичны 1, 2 и 3-й контуры реактора.

В проекте 949, в дополнение к ранее применяемым средствам спасения экипажа, при авариях предусмотрено очень эффективное по идее средство спасения – всплывающая спасательная камера для всего экипажа.

Роковое несчастье – затопление 2-го отсека и гибель большинства команды в самом начале бедствия – не позволило использовать его на подводной лодке «Курск». Как выяснилось, камера оказалась поврежденной. Выходы из затонувшей подводной лодки посредством шлюзования торпедных аппаратов или спасательных люков физически трудны, а подводники при таких бедствиях бывают очень ослаблены... Поэтому внедрение спасательных всплывающих камер является существенным улучшением и совершенствованием спасательных средств. Однако спасательная камера должна рассчитываться на ударостойкость, значительно более высокую, чем все лодочное оборудование, так как ее использование предполагается после сотрясений, разрушающих прочный корпус подводной лодки. По-видимому, целесообразно установить оптимальные исходные данные для расчетов ударостойкости камеры.

Наконец, в заключение приходим к банальному выводу, что при составлении и согласовании ТТЗ на проектирование необходимо иметь ясное представление, что при создании нового проекта корабля ничего даром не дается, будь то слишком малое водоизмещение, или слишком большое количество ракетных шахт, или любые другие сверхзадачи, которые неизбежно вызывают плохие последствия. И самый главный вывод: при создании кораблей ничего нельзя делать за счет снижения живучести и надежности – важнейших составляющих боеспособности кораблей и безопасности их экипажей».

Все специалисты, однако, сходятся в одном: сверхсовременные «Антей» стали прощальной песней советского военно-промышленного комплекса, создавшего за несколько десятилетий самый величайший из океанских флотов – советский ВМФ. Именно они воплотили в себе идею почти идеального подводного корабля, способного противостоять в одиночку мощнейшим эскадрам противника и выходить из этого противостояния победителем. Флотилии этих подводных суперкрейсеров должны были составить основу двух наших отечественных океанских флотов – Северного и Тихоокеанского. Так было задумано, но распалась великая держава, поменялись приоритеты, последовал обвал сокращений, начался период безвременья и забвения. К этому времени на стапелях Северодвинского судостроительного завода уже стоял корпус очередного «Антея», того, кому была суждена самая короткая и самая трагическая судьба...

Экипаж «Курска» был сформирован 18 марта 1991 года. Впрочем, тогда еще названия «Курск» не было, а крейсер именовался куда более прозаично – К-141. Вначале подобрали офицеров и прежде всего командиров боевых частей. В июле экипаж отправился в учебный центр в Обнинск. За время обучения понемногу пополнялся состав. Кадры подбирали лично первый командир капитан 1-го ранга Рожков. В феврале 1993 года экипаж прибыл в Видяево и до октября стажировался на однотипном «Воронеже». После этого доукомплектовались матросами и поехали в Северодвинск на завод, где уже достраивался их родной корабль. Огромный корпус корабля к этому времени уже возвышался Монбланом в знаменитом пятидесят пятом цеху. К октябрю 1993 года экипаж доукомплектовался матросами и старшинами контрактной службы, став на сто процентов профессиональным.

14 мая 1994 года К-141 был спущен на воду. Там же, в Северодвинске, корабль впервые посетила делегация Курска. А вскоре была подписана и директива о присвоении атомному подводному ракетному крейсеру К-141 наименования «Курск» в честь победы на Курской дуге. Потом были швартовые, заводские и ходовые испытания, проверка торпедного, ракетного комплексов, ракетные и торпедные пуски. 30 декабря 1994 года был подписан Государственный акт о приемке корабля флотом от промышленности. 20 января на «Курске» подняли Андреевский флаг. Поднимал его старший боцман корабля старший мичман Николай Мизяк. На Татьянин день, 25 января, покинули Северодвинск и взяли курс на родное Видяево.

Когда экипаж корабля впервые увидел определенную им казарму, ее вид вызвал оторопь. Некогда принадлежавшая выведенной в АФИ К-131, она была полностью разграблена. Посреди коридора грудой дров валялось лишь несколько разбитых прикроватных тумбочек. А потому всё – от электрики до цветов – делали и доставали сами, как могли.

Меня долгое время удивляло, почему в советском военно-морском флоте столь малое внимание уделяли названиям кораблей, и прежде всего подводных лодок. Да и те, что присваивались, были порой весьма случайны. По сути дела, имена собственные присваивались только тогда, когда этого уже нельзя было не сделать. Так передавались по наследству вместе с гвардейскими и краснознаменными флагами имена кораблей, прославившихся в истории флота, имена подшефных областных комсомольских организаций, имена государственных деятелей и заслуженных адмиралов. Шефские связи в ту безмятежную пору носили характер скорее праздничный, чем деловой. Подводный флот при этом почти на сто процентов был номерной. Атомоходы именовали, как правило, литерой «К». Дизельные подводные лодки – «Б» или «С», с указанием соответствующего тактического номера. Сегодня говорят, что это делалось исключительно в интересах секретности и скрытности. Возможно, отчасти дело обстояло именно так, однако мне все же кажется, что помимо этого существовала и еще одна причина. Советским адмиралам, создававшим величайший флот мира и занятым в силу этого множеством неотложных дел, было просто некогда заниматься подобными мелочами. Численность корабельного состава стремительно росла, а потому даже номера приближались к четырехзначным. К именам же собственным начали возвращаться только тогда, когда

катастрофически стало сокращаться строительство флота. Когда же к середине девяностых обстановка стала вообще критической, моряки были вынуждены обратиться за помощью ко всей России. Они стали называть свои корабли именами городов, и города, прекрасно понимая всю подоплеку происходящего, не оставили своих новых подшефных в беде, помогая всем, чем могли. Теперь шефство обрело совершенно иной смысл. Теперь устойчивые шефские связи стали залогом выживания как кораблей, так и их экипажей. А потому, когда АПРК К-141 получил наименование «Курск», командование не без основания полагало, что руководство Курской области их в беде не оставит. И не ошиблось! Курск сделал все возможное, чтобы облегчить жизнь и службу «своим» подводникам. В далекое Видяево отправляли продукты, деньги и предметы первой необходимости. В Курске не раз были делегации корабля, а в Видяево – представители города и области. В 1999 году в Курск на отдых был приглашен весь экипаж с женами и детьми. Поехали не все, но очень многие. Для многих это был один из самых больших праздников в их жизни. Город подарил кораблю автобус. Этот «пазик» с надписью «Курск» и теперь колесит по разбитым видяевским дорогам. Теперь на нем возят вдов... Я не являюсь поклонником бывшего губернатора Курска Руцкого, однако в отношении своего подшефного корабля он делал все, что мог, и даже больше. Скорее всего в этом случае офицерское начало в нем было неоспоримо выше политических расчетов.

В 1995 году «Курск» в сопровождении спасательного судна ходил к месту гибели «Комсомольца», где совершил глубоководное погружение. Не знаю почему, но в этом визите к старшему погибшему собрату мне видится нечто почти мистическое...

Высшей точкой в недлинной биографии «Курска» стал, разумеется, его боевой поход в Средиземное море. Перед ним «Курск» выполнил ракетную стрельбу на приз Главкома. Что это такое, знают только те, кто хоть раз участвовал в подобных состязаниях. На корабле полным-полно всевозможных посредников, контролеров, фиксирующих не только каждый шаг, но и каждый вздох. И огромный груз ответственности не только перед своим соединением, но и перед своим флотом. Эту стрельбу «Курск» выполнил на «отлично» и завоевал этот самый престижный приз в отечественном военно-морском флоте.

Когда-то, в советские времена, такие походы были едва ли не ежемесячными. Атомоходы Северного флота постоянно бороздили глубины Средиземного моря, сменяя друг друга. На нашего вероятного противника это действовало отрезвляюще, а потому не было ни бомбардировок Югославии, ни войн на Ближнем Востоке. Увы, с распадом великой державы, каким был СССР, закончилась и эра господства нашего флота в Средиземноморье. Некоторое время моряки на свой страх и риск еще пытались что-то делать. Но все их отчаянные потуги были обречены. В Севастополе расформировали знаменитую Средиземноморскую эскадру, и последние корабли покинули Средиземное море. Последним парадом нашего флота там стал поход авианосно-маневренной группы (АМГ) во главе с тяжелым авианосным крейсером «Адмирал Кузнецов». Под флагом первого заместителя Главкома ВМФ адмирала Игоря Касатонова. Участвовала в том походе и атомная многоцелевая подводная лодка Северного флота «Волк» (К-461). А затем наступила достаточно длительная пауза. Обидно, но даже в дни бомбардировок авиацией НАТО сербских городов мы так и не смогли выслать к югославским берегам ни одного боевого корабля. Черноморский флот подготовил отряд, но тогдашнее руководство страны сочло за лучшее не портить отношений с «другом Биллом».

И вот, наконец, в 1999 году внезапно для всех в Средиземное море ворвался «Курск».

Рассказывает командующий Северным флотом адмирал Вячеслав Попов: «Поход “Курска” был осуществлен по моему замыслу, управлял им тоже я. Командиру “Курска” удалось полностью реализовать наш замысел. Корабль скрытно прорвался в Средиземное море через Гибралтар. Это был не прорыв, а песня! Да и затем действия были в высшей степени грамотными, были отработаны вопросы применения оружия и осуществлено слежение за

американским АУГ. За этот поход я представил командира «Курска» к званию Героя России, а экипаж к орденам и медалям. У нас есть разные Герои, но самая, на мой взгляд, большая заслуга это получить золотую звезду за чисто военное, командирское искусство, за оперативно-тактические дела».

Внезапное появление в Средиземном море новейшего «убийцы авианосцев» вызвало в рядах 6-го флота США настоящую панику. Наверное, нечто подобное бывает, когда в центре овечьей отары внезапно появляется матерый волк. Тут уж все разбегаются как только могут! А потому с появлением среди лениво плавающих американских армад «Курска» все стали разбегаться. Еще бы, где-то в толще средиземноморских вод за авианосцами неотступно следует монстр, способный в течение нескольких минут разнести в клочья десятки кораблей. Присутствие его ощущается все сильнее, он уже буквально дышит в затылок, но обнаружить и найти потенциального убийцу невозможно. Что-то надо было срочно делать, а потому к поискам «Курска» были привлечены противолодочные силы всех средиземноморских стран НАТО. Искали, как говорится, всем миром. Всем миром и проморгали... Таких звонких оплеух на море американцы не получали давно.

Блестяще выполнив свою задачу, «Курс» так же внезапно исчез, как и появился. Это был сокрушительный удар по американскому самоллюбию. По неофициальным данным, там не обошлось и без кадровых перестановок. Сразу несколько начальников, в том числе и командующий противолодочной обороной Гибралтарской зоны, поплатились своими должностями. Сам же «Курс», по сути дела, был возведен в ранг личного врага Америки.

Еще одно свидетельство об итогах боевой службы, на этот раз рассказанное офицерами дивизии, участвовавшими в том походе:

– Очень трудно проходили Гибралтар. Вместе с нами одновременно шло 69 целей. Работали и в районе Сардинии, и в море Альборан, и неподалеку от знаменитой Пальмы-де-Мальорки. Мы подходили к натовцам вплотную и работали по ним как хотели, причем порой даже внаглую на перископной глубине. Весь их хваленый профессионализм на деле оказался самым настоящим блефом. Честно говоря, мы даже не ожидали, что они настолько беспомощны. Они нас несколько раз цепляли, но всякий раз быстро теряли. А мы, как на тренажерах, нанесли ни много ни мало, а пять условных ракетных ударов по их кораблям. Уже позднее узнали, что командование 6-го американского флота объявило премию своим командирам кораблей за нашу поимку. Поставлено было 1200 буев, но все без толку. Плакала их премия!

А вот рассказ о боевой службе в Средиземном море и самого командира «Курска» капитана 1-го ранга Геннадия Лячина, данное им вскоре после похода одной из курских газет:

– Мы побывали в южных широтах Атлантики, в Средиземном море. Если раньше там у нас было целое объединение, включавшее управление подводными силами в этом регионе, свои базы, куда можно было зайти для пополнения запасов, заняться при необходимости ремонтом, дать отдых личному составу, то сейчас такой структуры нет. Лодка новая, и в первом ее автономном походе наиболее важно было проверить, насколько надежными окажутся ее материальная часть, все жизненно важные системы, особенно в сложных условиях большого противостояния противолодочных сил флотов НАТО. В этой связи испытание на зрелость и стойкость проходил и сам экипаж. А задача была – поиск и слежение за авианосными ударными группировками потенциального противника. Предстояло узнать все: состав его сил, маршруты развертывания, переходов, характер деятельности и многое другое. Перед подводниками всегда стоит задача скрытности. Но в этом походе бывало всякое... И мы не давали спокойной жизни многочисленным силам противника и к себе ощущали, мягко говоря, повышенное внимание. Нам пытались активно противодействовать в первую очередь патрульная противолодочная авиация, а также надводные корабли и подводные лодки.

Мы их своевременно обнаруживали, но случалось, что и они нас засекали. У них задача была установить за нами длительное устойчивое слежение, что мы им постоянно срывали.

Обстановка в регионе из-за югославского конфликта была достаточно накаленной. Но при этом весьма интересно, что (как стало нам известно уже после возвращения на родную базу) страны Средиземноморья, такие, например, как Франция, Греция и Италия, приветствовали российский военно-морской флаг в Средиземном море, которое американцы, форсируя там свое военное присутствие, хотели бы считать своим владением, хотя у него статус открытого международного моря.

В назначенное время мы всегда имели постоянную устойчивую связь с базой, производили обмен информацией и в этом плане не чувствовали никакой оторванности. Все без исключения члены экипажа спокойно и уверенно исполняли каждый свою задачу. Хотя, конечно, были и напряженные моменты, когда после сеанса связи мы принимали целеуказания и лодка была готова к выполнению самых неожиданных маневров и вообще боевых задач, когда, образно говоря, руки были на кнопках пуска.

После похода, учитывая его достаточно высокую результативность, меня принял Главнокомандующий ВМФ, затем председатель правительства РФ, а потом и Президент РФ. Владимир Владимирович внимательно выслушал короткий доклад о походе, задал несколько вопросов и высказал удовлетворение миссией экипажа атомного подводного ракетного крейсера «Курск» в Атлантике и Средиземноморье. Высокая оценка результатов похода дана также Главкомом ВМФ и Министерством обороны России. В частности, отмечалось, что благодаря хорошей всесторонней подготовке к походу самого корабля и его экипажа, в автономном плавании при выполнении боевой задачи не было никаких нештатных, экстремальных или аварийных ситуаций. А противник был вынужден, бросив на поиски нашей лодки все свои силы, понести колоссальные затраты сил, средств и материальных ресурсов. Только топлива при поисках нашей лодки им было израсходовано на 1,5 миллиона долларов, да плюс с иными расходами поиски и попытки слежения за нашей лодкой обошлись примерно в 20 миллионов долларов.

Главный же вывод был таким: Россия не утратила возможностей в целях собственной безопасности и своих национальных интересов обеспечить свое активное военное присутствие во всех точках Мирового океана, и по-прежнему ее атомный подводный флот является надежным ядерным щитом нашей великой морской державы.

Сохранились снятые любительской видеокамерой кадры встречи вернувшейся с моря подводной лодки. Вот встречающий подводников начальник штаба флота вице-адмирал Михаил Моцак. Выстроенный на причальной стенке экипаж и рапортующий Геннадий Лячин:

– Задачи боевой службы выполнены! Личный состав здоров, матчасть в строю. После пополнения запасов готовы к выполнению боевых задач!

Счастливые лица жен и детей... цветы... и даже традиционный жареный поросенок...

Язык официальных бумаг сух и лаконичен, но при этом, однако, максимально информативен, а потому и исчерпывающ: «В ходе выполнения задач боевой службы в Средиземном море АПРК «Курск» действовал в условиях подавляющего превосходства противолодочных сил вероятного противника. Выполнял задачу по наблюдению за авианосными ударными многоцелевыми группировками противника. Осуществлял слежение за ними и производил попутный поиск апл иностранных государств, сохраняя скрытность и боевую устойчивость. По итогам боевой службы 72 члена экипажа представлены к правительственным наградам. Капитан 1-го ранга Г. Лячин представлен к званию Героя России. АПРК «Курск» признан лучшей подводной лодкой СФ. Губернатор Мурманской области Ю. Евдокимов вручил командиру корабля приз «Лучшая подводная лодка Северного флота»».

По итогам соревнования за 1999 год «Курск» был объявлен лучшим в дивизии. Пять боевых частей были объявлены отличными. Двадцать три процента членов экипажа являлись мастерами военного дела – цифра уже сама по себе потрясающая! Даже в былые годы на кораблях имелось по три-четыре мастера военного дела, а здесь без малого четверть экипажа! Остальные семьдесят семь процентов соответственно были специалистами первого и второго классов.

После боевой службы экипаж «Курска» был приглашен на отдых в шефствующий над ним город. Поехали не все, но многие с женами и детьми. Жили в профилактории «Маяк». Каждый день возили на экскурсии, по вечерам приемы. Это была настоящая сказка, которой они еще никогда не знали. Посещали святые места и театры, музеи и картинные галереи. Для мужчин были устроены специальные экскурсии на Курский ликеро-водочный и пивоваренный заводы. Но все хорошее имеет обыкновение быстро кончаться, и скоро их снова ждали занесенные снегами Видяево, северные ветра и родной подводный крейсер.

В последнее воскресенье июля 2000 года «Курск» участвовал в военно-морском параде в честь дня ВМФ. Участие в параде всегда считалось признанием заслуг корабля, его командира и экипажа. Как они были красивы и подтянуты в парадных тужурках и с золотыми кортиками, как дружно кричали трехкратное «ура» в ответ на поздравление командующего флотом! Мог ли тогда кто-либо подумать, что в тот день и флот и Североморск прощались с «Курском»? Мог ли тогда кто-нибудь предположить, что всем этим ребятам уже оставалось жить каких-то две недели? А они были такими счастливыми и окрыленными! Еще бы, ведь впереди их ждали новые рубежи боевой подготовки, выходы в море и подготовка к новой боевой службе.

После празднования дня флота «Курск» должен был принять участие во флотских учениях, где отрабатывалось взаимодействие авианосно-маневренной группы. Непосредственно атомный подводный ракетный крейсер должен был выполнить: 11 августа учебную ракетную стрельбу и 12 августа учебную стрельбу торпедой. После этого корабль должен был вернуться в базу и заниматься уже непосредственно подготовкой к предстоящей боевой службе.

То должна была быть не просто рядовая боевая служба, то должен был быть океанский парад отечественного военно-морского флота, демонстрирующий всему миру, что великая Российская морская держава по-прежнему жива.

15 октября из Североморска должна была уйти на три месяца в Средиземное море авианосно-маневренная группа Северного флота в составе: тяжелого авианосного крейсера «Адмирал Кузнецов», тяжелого атомного ракетного крейсера «Петр Великий», большого противолодочного корабля «Адмирал Чабаненко», сторожевого корабля «Задорный», танкера «Осипов» и спасательного судна «Алтай». Из-под воды эту группировку должны были прикрывать атомная подводная лодка «Псков» и атомный подводный ракетный крейсер «Курск». На переходе к кораблям Северного флота должны были присоединиться эскадренный миноносец «Беспокойный» и танкер «Лена» с Балтийского флота. Одновременно из Севастополя навстречу идущим из Атлантики кораблям выходил отряд кораблей Черноморского флота в составе сторожевого корабля «Пытливый», большого морского танкера «Бубнов», спасательного буксира «Шахтер» и транспорта «Маныч». Объединившись, эта группировка должна была отрабатывать на просторах Средиземного моря всевозможные боевые упражнения, демонстрируя всему миру Андреевский флаг.

Известие о предполагаемом походе Российского флота вызвало настоящую панику в военно-морских кругах НАТО. Там еще не пришли в себя от того «шороха», который наделал в Средиземноморье в прошлую боевую службу «Курск», и вот теперь туда намереваются двинуться лучшие военно-морские силы России. Что и говорить, было от чего погрузнеть! Немедленно начались ответные меры. Шестой американский флот был в срочном порядке

переведен в состояние повышенной боевой готовности и начал спешно пополняться дополнительными силами. Обе стороны понимали, что предстоит противостояние, в котором американцам было трудно рассчитывать на успех.

К новому дальнему походу экипаж «Курска» готовился с особым энтузиазмом. Они были уверены в своем новом успехе. Порукой тому были итоги предыдущей боевой службы. Но тогда «Курск» был совершенно один против армады натовских сил, теперь же он шел в Средиземное море в составе мощнейшей группировки. Кто мог встать на его пути?

К августу экипаж корабля полностью отгулял отпуска, укомплектовался и был полностью готов к выполнению поставленных задач. До боевой службы оставался теперь лишь один трехдневный выход в море.

В последний год уходящего столетия Россия готовилась вернуться на просторы Средиземного моря. Но она тогда так туда и не вернулась. Причиной тому стала катастрофа «Курска»...

Глава вторая Командир

В гарнизонном Доме офицеров вдовам выдавали фотографии. Они брали их осторожно, даже несколько боязливо, и тут же начинали всматриваться, ища своего, самого родного и единственного. Они брали фотографии как самое дорогое, что осталось теперь у них от той, уже такой далекой и совершенно иной жизни. На фотографиях были изображены их мужья. Гордые и красивые, в тужурках с золотыми погонами и при кортиках, они стояли в парадном строю на палубе своего подводного крейсера. То был снимок с последнего дня ВМФ. Именно так, все вместе, плечом к плечу, шагнули они в вечность, спустя каких-то полтора месяца именно с этой палубы...

Каким он был, экипаж «Курска»? Какими были они, те, кто теперь уже навсегда останутся в нашей памяти молодыми? Они были совершенно разными по жизненному опыту и привычкам, по мечтам и увлечениям. Их объединял флот, корабль и служение Родине. Их навечно объединила и общая страшная судьба.

Металлическая дверь открылась с таким звуком, как открывается кремальера, и мы оказались в казарме атомного ракетного подводного крейсера «Курск». Отсюда экипаж ушел в свой последний поход. Входящих в казарму корабля встречает плакат «Гордись службой на АПРК “Курск”». По опустевшей казарме меня водит чудом оставшийся в живых боцман «Курска» мичман Николай Алексеевич Мизяк. Ряды матросских коек с аккуратно заправленными одеялами. Поверх одеял аккуратно сложенные тельняшки и бескозырки сверху. Ряды и ряды бескозырок... За каждой чья-то оборванная жизнь... Вот комната отдыха, умывальник, теннисный стол, гимнастические тренажеры и библиотека – подарок шефов из Курска. Стенд с описанием православных праздников, схемы приборок, организационные приказы. В свернутых рулонах стенные газеты с боевой службы. Николай Алексеевич открывает мне кабинеты. Мы не входим в них, а словно боясь потревожить их покой, молча стоим на пороге. Этот командира... Этот старшего помощника... Этот заместителя по воспитательной работе... Этот командиров дивизионов... Всюду какие-то бумаги на столах, какие-то вещи, одежда. Ощущение такое, что люди только что покинули их и вот-вот вернуться обратно. От этого становится не по себе. Тишина казармы тревожит душу и давит на сердце.

В умывальнике личного состава разбитое зеркало. Боцман смотрит на него и хмурится.

– Два месяца назад разбили! – говорит затем, смотря куда-то в сторону. – Я еще тогда подумал, что не к добру это!

В комнате отдыха огромный стенд, посвященный погибшему «Комсомольцу», с фотографиями всех тех, кто тогда не вернулся с моря. В коридоре во всю стену персональный флаг «Курска», некогда врученный командиру губернатором Курской области: Андреевский стяг с гербом Курска в перекрестии креста, на лазоревом щите три золотых соловья. Рядом славянской вязью знаменитая фраза из «Слова о полку Игореве»: «Мои-то куряне опытные воины, под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены...»

Мы разговариваем с боцманом. Но я все время ловлю себя на мысли, что, находясь здесь, я как-то совсем по-иному начинаю осознавать для себя все случившееся. Ведь именно здесь, в этих стенах, служили и жили герои моего печального повествования, те, о ком я хотел бы рассказать, отдав последний долг их памяти.

Они ушли, им больше не вернуться...
Им жен не обнимать, не целовать,
С порога дома им не оглянуться
И дверь ключом не открывать.

Они ушли в бессмертье, в строчки писем,
В рыданье жен, в морщины матерей.
В последний раз их отпустила пристань
В холодное безмолвие морей.
Они ушли... Одетый в траур берег...
Родной их порт сиренами ревет...
А жены, дети, матери не верят,
Что экипаж обратно не придет.

Уже закончив писать эту книгу, я невольно поймал себя на мысли, что все они мне давным-давно стали родными. Я знаю теперь их привычки и мечты, я знаю их жен, детей и родителей. Порой мне кажется, что ночами они приходят ко мне, и я подолгу разговариваю с каждым из них. Я рассказываю им о том, как по-прежнему любят их безутешные вдовы, как молятся за них мамы, как стойко переживают горе их отцы. Порой мне кажется, что и сам я член их экипажа, которому просто выпало судьбой рассказать о них, тех, кто ушел в океан и не вернулся из него...

* * *

Любой корабль начинается с командира, а потому, говоря об экипаже «Курска», надо прежде всего сказать о его командире Геннадии Петровиче Лячине. Средства массовой информации не обошли командира «Курска» своим вниманием. Однако, сколько бы ни писали о каком-либо человеке, всегда найдутся черты, о которых еще не сказано.

Не все в службе Геннадия Лячина было так просто. Он уже был опытным командиром ракетной дизельной подводной лодки, когда началось очередное реформирование и его корабль приговорили к списанию. Перед командиром встал вопрос, что делать дальше, где и кем служить? Разумеется, можно было бы уйти на какую-нибудь береговую должность, но он хотел плавать, а потому пошел старшим помощником в экипаж к своему однокашнику по училищу. Что значит идти старшим помощником, когда ты уже постоял хозяином на ходовом мостике, понять это может только моряк. Это, как наступить на горло собственной песне. И он наступил. Не год и не два ходил Геннадий Лячин в старпомах, а целых пять лет. За это время изучил новую для него атомную технику, сдал все допуски и после ухода в запас первого командира «Курска» был, как наиболее достойный, назначен на его место. От кого-то в Видяево в отношении Лячина я услышал такую фразу: «Это был наш последний океанский командир!» Да, он был океанским командиром, потому что имел за плечами четыре боевые службы. Но дай бог, чтобы он не был последним. России еще выходить и выходить на океанские просторы, а потому ей так нужны настоящие командиры. Но Геннадий Лячин стал и первым командиром новой российской океанской школы конца двадцатого столетия. Именно он вывел свой атомоход после долгого перерыва на просторы Средиземноморья, именно он сделал все от него зависящее для возвращения престижа отечественного флота. Он погиб, успев сделать лишь первый, но, возможно, самый важный и трудный шаг в этом направлении. Теперь следом за ним пойдут иные. Мы же будем помнить, что именно скромный командир «Курска» первым поднял наше почти было упавшее океанское знамя.

Родился будущий командир «Курска» в первый день 1955 года в рабочей семье, в совхозе «Сарпинск», что находился в самой российской глубинке, в Сарпинском районе Волгоградской области. В 1972 году окончил среднюю школу в Волгограде и поступил в высшее военно-морское училище подводного плавания, знаменитый Ленком. Летом 1977 года Лячин уже лейтенант и командир группы ракетной боевой части на дизельной ракетной подводной лодке К-58 Северного флота. Затем была служба на других подводных лодках в различных

должностях. В 1980 году старший лейтенант Лячин уже командир боевой части. Вскоре он уже капитан-лейтенант. Из капитан-лейтенантской аттестации Г.П. Лячина: «Тактическая подготовка хорошая. Оружие вероятного противника знает. Обладает хорошими командирскими навыками. Боевой частью руководит уверенно. Умеет принимать грамотные самостоятельные решения».

В октябре 1984 года Лячин уже старший помощник командира. Из служебной характеристики старпома подводной лодки Б-77 капитана 3-го ранга Г.П. Лячина: «Постоянно работает над повышением уровня командирской подготовки и знания сил и средств вероятного противника. Имеет практические навыки в самостоятельном управлении кораблем и применении оружия. Обладает хорошими командными и организаторскими способностями. В сложной обстановке ориентируется правильно, умело принимает грамотные решения».

В 1986 году старпома Лячина направляют на учебу на офицерские классы. Там же он становится капитаном 2-го ранга. Из представления на звание: «Ранее по службе на флоте в офицерских должностях аттестовался положительно. Участник двух дальних походов. За время прохождения службы на классах зарекомендовал себя дисциплинированным, исполнительным офицером... В сложных условиях ориентируется хорошо, способен принимать грамотные решения и нацелить личный состав на их выполнение... По характеру выдержан, спокоен».

И снова служба старшим помощником, теперь уже на Б-478. В октябре 1988 года капитан 2-го ранга Г.П. Лячин вступил в самостоятельное командование дизельной ракетной подводной лодкой Б-304. Из представления на назначение командиром: «Допущен к самостоятельному управлению лодкой 651-го проекта. Накопил большой опыт плавания и выполнения задач боевой подготовки. Наплаванность составляет 743 ходовых суток, в надводном положении 83.780 миль, в подводном – 19.564 мили... Выполнены две торпедные и одна ракетная учебная стрельбы, все с оценкой “отлично”».

Спустя три года командир лодки собрался поступать в академию. Из текста характеристики, данной для поступления: «Обладает хорошими командирскими и организаторскими качествами. Работоспособность хорошая. В сложной обстановке ориентируется правильно, умеет принимать грамотные решения. Обладает хорошими методическими навыками в обучении подчиненных». Но поступить в академию так и не удалось. Шел уже 1991 год, и началось сокращение флота. Вывели из боевого состава и лодку Лячина. И тогда бывший командир уходит старпомом в соседнюю дивизию на ракетный атомоход. Еще пять лет прослужил он повторно в старпомовской должности. Только в 1996 году освободилась командирская должность, и Геннадий Лячин стал командиром «Курска» и капитаном 1-го ранга. Путь к командирскому мостику «Курска» был нелегким, ведь только в звании капитана 2-го ранга Геннадий Петрович проходил девять лет! Но не отчаялся, не разуверился, не потерял желания вновь взойти на командирский мостик и в конце концов все же добился своего!

А затем был беспримерный за последние годы поход в Средиземное море, вызвавший оторопь и панику всего натовского флота. За тот поход были сняты со своих должностей сразу несколько английских и американских адмиралов, а командир «Курска» представлен к званию Героя России.

Сколько фотографий командира «Курска» я ни видел, всюду на его лице была улыбка. В штабе 7-й дивизии на одном из стендов я увидел старый снимок: Геннадий Лячин вполборота за пультом в центральном посту. На лице обычная немного застенчивая улыбка. Внизу снимка подпись: «Лучший СПК (старший помощник командира) капитан 2-го ранга Г. Лячин. Бывший командир Б-304. Утвержден Военным Советом СФ на должность командира АПРК». Еще один стенд, и снова Геннадий Лячин, но уже с погонами капитана 1-го ранга. Под снимком написано, что по итогам учебного года он является лучшим командиром по боевой подготовке в дивизии.

Вспоминает командир второго экипажа «Курска» капитан 1-го ранга Олег Якубина: «Гену мы все уважали. Во-первых, он являлся самым старшим из нас по возрасту, во-вторых, самым опытным. Он был любимцем дивизии, и ему позволялось многое из того, что не разрешалось другим. К себе в экипаж Гена отбирал всех, кого хотел. Естественно, любой командир с неохотой отдает хороших спецов, но когда просил Гена, ему никто никогда не отказывал. По натуре он был очень спокойным и уверенным в себе. От него прямо-таки шла энергия уверенности. Мы, командиры, периодически вызываемся на флот. По пути всегда стараемся сделать остановку в Коле, попить пива. В последний раз, незадолго до последнего выхода «Курска», тоже была такая поездка. В Коле Гена говорит: «Давайте я всех вас угощу!» Все заулыбались, Гена решил за пивом сходить! Скоро возвращается, а в руках куча мороженого. Немая сцена. Он говорит: «Если не хотите, я сам съем!» Пришлось съесть. На другого, быть может, за такую шутку и обиделись, но на него было просто невозможно».

Из воспоминаний бывшего офицера штаба 7-й дивизии капитана 1-го ранга Сергея Ковалева: «Гена Лячин был командиром от бога. Добрейшей души человек, но достаточно твердый, а иногда и жесткий командир. Собеседников и друзей располагал к себе сразу же с начала разговора. Прекрасный подводный тактик. Когда в 1999 году в Средиземном море натопцы бросили на поиск «Курска» сразу несколько АМГ (авианосно-маневренных групп. – *В.Ш.*) и противолодочных эскадрилий, то даже след корабль отыскать не смогли. В отличие от многих хваленых боевых служб конца 80-х – начала 90-х годов «Курск» вышел на боевую службу в распорядительном порядке, то есть за сутки до директивного срока, по приказу командующего СФ. Геннадий был и прекрасным семьянином. Россия должна беречь и ценить таких командиров, а не терять их».

С капитаном 1-го ранга Сергеем Ежовым мы встретились в Главном штабе ВМФ, где он ныне служит. Наверное, так хорошо командира «Курска», как он, не знает никто. И это не пустые слова.

Рассказывает Сергей Ежов: «С Генной мы познакомились где-то в году восемьдесят седьмом-восьмом, когда оба были командирами лодок. Он дизельной ракетной, а я атомной. Встречались большей частью на всевозможных совещаниях и подведениях итогов, хотя наши лодки и входили в состав разных дивизий. В 90-м году его 35-я дивизия была расформирована. Почти одновременно расформировали и мой экипаж. Так мы с Генной Лячиным оказались за штатом. В апреле 91-го вышла директива о формировании первого и второго экипажей строящегося «Курска». Мне предложили идти на второй экипаж командиром. Я согласился. Старпомом к себе я предложил Гене. Он согласился. Вместе начали собирать людей. Гена на этом этапе мне здорово помог. Привел много своих соплавателей по 35-й дивизии. К сентябрю 91-го мы сформировали экипаж и отправились на учебу в Обнинск. Обрато в Видяево вернулись только в марте 93-го. Приняли «Воронеж». Первый экипаж в это время убыл в Североморск принимать «Курск». Я в то время уже собирался переводиться в Москву и готовил себе Гену на замену. На допуск к управлению кораблем он сдал очень быстро, успешно прошел квалификационную комиссию и Военный совет флота. Но тогда мне перевестись не удалось, и все застопорилось. Вместе с Генной мы проплавали до 96-го. Вместе входили в линию, отрабатывали торпедные и ракетные стрельбы. Экипаж у нас был прекрасный. Три раза подряд мы объявлялись лучшими в дивизии. И в этом была огромная заслуга Гены. В феврале 96-го мы вместе сходили на боевую службу в Северную Атлантику на «Воронеж». Отрабатывали задачи вместе с возвращавшимся из Средиземного моря «Кузнецовым». На боевой службе мы вдвоем несли командирскую вахту. И я был спокоен, когда Гена заменял меня. Помню однажды, во время его вахты, лодку выбросило на поверхность. Я понял это по качке. Наверху шторм и район с очень интенсивным судоходством. Но Гена не растерялся. Пока я добежал с третьего отсека до второго, он уже заполнил цистерны, погрузился и дал ход.

К этому моменту уже пришел в Видяево “Курск”, и его первый командир Рожков уволился в запас по болезни. Старший помощник у него был не допущен и потому командирскую должность предложили Гене. Естественно, он согласился. На “Курске” у него были тесные связи с Руцким, и благодаря этому Гена много сумел сделать для корабля и экипажа».

Мы сидели с Сергеем Ежовым на десятом этаже штаба ВМФ. Из окна его кабинета, казалось, была видна вся Москва, и даже не верилось, что где-то далеко-далеко, в стылой глубине, лежит разорванный в куски атомный крейсер. Некоторая первоначальная напряженность быстро прошла, и Сергей уже рассказывал о своем друге все, что запечатлелось в его памяти.

«Гена был удивительно целеустремленный и дотошный человек. Дело ему было до всего. Будучи старшим помощником, умудрялся дойти до каждого матроса. Был очень педантичным. Был заядлым трезвенником, таким, что даже запах спиртного на дух не переносил. Сколько ни было мероприятий, он всегда себе только минералку в стакан наливал. С Ириной они были очень хорошей парой. Дружили еще со школы, за одной партией сидели. Гена сам из простой рабочей семьи, а Ирина из потомственно морской. Ее отец еще на Соловках в войну юнгой был. Так будущий тесть его в моряки и сагитировал. Семья у Лячиных была очень дружная и хорошая. Гена был прекрасным семьянином. Он умудрялся даже иногда в обеденный перерыв примчаться домой и приготовить жене и детям обед. Ирина преподавала в школе и возвращалась поздно. Очень много имел знакомых. Мы часто общались семьями, хотя ходить друг к другу в гости удавалось не всегда, служба есть служба. Вообще Гена был чрезвычайно контактным человеком, однако, если требовала обстановка, становился весьма жестким и требовательным. Командиром он был настоящим».

Из разговора с офицерами в штабе 7-й дивизии:

– Очень негативно относился к любителям спиртного. Всех, кто к этому делу был привлечен, держал строго на контроле. Кто не вышел на службу, сразу же за таким посылался корабельный «сбор», доставлявший виновника на ковер, после чего у виновника надолго пропадала всякая охота к горячительным напиткам. Не видели за свою службу ни одного командира, кто так бы относился к своим матросам срочной службы, как Гена. Постоянно занимался тем, как его «бойцы» накормлены, помыты, есть ли теплое белье (не дай бог застудятся!), когда последний раз писал домой и что пишут из дома. По переписке был знаком со всеми родителями своих матросов. Никогда не кичился тем, что стал командиром крейсера. Никогда не питался у себя в каюте, а всегда со своими офицерами в кают-компани.

Об этой удивительной заботе о своих подчиненных говорит и личное дело Геннадия Петровича. Такого, честно говоря, я тоже еще никогда не встречал за время своей службы. В каждой из характеристик и аттестаций обязательно есть следующая фраза: «Проявляет особую заботу о подчиненных». Поверьте, это многого стоит!

А вот история, рассказанная мне родителями одного из офицеров «Курска». Не знаю, как для кого, а для меня почему-то именно она кажется наиболее характерным проявлением отцовских качеств командира по отношению к своим мальчишкам офицерам и мичманам. Во время учебы в Обнинске компания корабельной молодежи отправилась погулять в местный ресторан. Ближе к закрытию заведения ребята из-за чего-то повздорили с местной милицией. Произошел инцидент. Вошедшие в раж милиционеры пытались арестовать подводников, те тоже были не лыком шиты и без боя не сдались. Когда утром командир прибыл для разбирательства в отделение милиции, то перед ним выложили на стол бумагу с подсчетом нанесенных заведению убытков. Сумма была для лейтенантов более чем приличная – около полутысячи долларов. В том, что мальчишки, вырвавшись на свободу из прочного корпуса, немного пошалили в ресторане, я не вижу абсолютно ничего предосудительного. Кто из сегодняшних адмиралов и капитанов 1-го ранга может, честно положить руку на сердце, сказать, что он сам не прошел этот веселый и неизбежный этап флотской офицерской жизни? Однако что

должен был делать в данной ситуации командир корабля? Формально он мог просто-напросто отослать всех виновников с «волчьими билетами» обратно в Видяево, удержав с них всю астрономическую сумму убытков. Но Лячин поступил иначе. Наказав негодников своей властью, он одновременно бросил клич по экипажу на сбор денег и сам первым сделал туда свой взнос. Так мудро и по-отцовски создавал он боевой организм, который зовется кратким, но емким словом – экипаж.

А вот еще не менее интересная характеристика, данная Лячину молодыми офицерами соседней подводной лодки: «Был очень серьезный, требовательный. Когда был старпомом, то говорят, что лучшего старпома не было за всю историю дивизии. Все всегда разложено по “полочкам”. Никаких отступлений от устава. Всегда подумает, и только потом скажет. Никогда не кричал, но и не повторял дважды. Не любил, чтобы кто-нибудь кричал и оскорблял своих подчиненных. Внушал уважение уже своим внешним видом: такой большой, даже несколько вальяжный. Любил, находясь в море, туда-сюда расхаживать по центральному посту. Незадолго до гибели был у нас на приготовлении (нашего командира вызвали куда-то на инструктаж). Наш командир БЧ-5 начал кого-то отчитывать за недоработки. Лячин слушал-слушал его крики, а потом позвал к себе и говорит: “Механик! Не надо орать, лучше объясните людям, что и как им следует делать!” Тот сразу сник и больше никого уже не оскорблял. Не любил, когда кто-нибудь в экипаже сидит без дела. Очень не любил подхалимов и не имел любимчиков. Все для него были равны. Кто провинится в экипаже, всегда беседовал сам. Практически никогда не наказывал, а учил. Самое главное, что Лячину верили и с ним не боялись идти в море. Именно из-за этого многие из нас мечтали служить на “Курске”».

10 августа Геннадий Лячин вывел свой атомный подводный ракетный крейсер в море. Этот обычный плановый выход должен был продолжиться всего каких-то три дня. Однако все вышло совсем иначе, трехдневный выход в море оказался походом в вечность.

В дальнем углу Ара-губы и сегодня стоит его старая дизельная подводная лодка, давным-давно выведенная из боевого состава, но все-таки пережившая своего последнего командира...

26 августа 2000 года капитану 1-го ранга Геннадию Петровичу Лячину за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, было присвоено звание Героя Российской Федерации, увы, уже посмертно...

Глава третья Офицеры штаба

Уже на второй день после известия об аварии «Курска», будучи в управлении кадров ВМФ, я познакомился со списком личного состава, находившегося на его борту. И почти сразу взгляд остановился на одной из фамилий. Год рождения – 1958-й. Мой год! Место рождения – Севастополь. Мой город, моя родина! Два сына... Даже зовут Владимир, как и меня! Отцы у обоих служили в ВМФ. Значит, мы в одно и то же время бегали мальчишками по одним улицам, прыгали в воду с одних и тех же херсонесских скал. Затем оба пошли в военно-морские училища, плавали, стали капитанами 1-го ранга. Так я впервые узнал о Владимире Багрянцеве, начальнике штаба 7-й дивизии. Тогда же я твердо решил, что, будучи в Видяево, обязательно побываю в его семье.

Дом, где живут Багрянцевы, последний на улице Заречной. Дальше сопки, удивительно красивые своей особой северной красотой. Стояли первые дни осени, и покрывавший их лес еще только начинал окрашиваться в желто-красные тона.

Екатерину Багрянцеву приехали поддержать подруги из Западной Лицы, где прошла большая часть их совместной службы с мужем. Мне показали домашнюю библиотеку. И едва взглянув на тесные ряды исторической и военно-морской литературы, я сразу же понял, что нам было бы о чем поговорить с ее хозяином. Глядя на портрет хозяина дома, я все время невольно ловил себя на мысли, что когда-то и где-то уже видел это лицо. И вспомнил! Владимир Багрянцев удивительно похож на известного русского киноартиста Виктора Степанова. Кто не помнит его в роли Михайлы Ломоносова в одноименном телевизионном фильме или в роли начальника милиции в знаменитом «Холодном лете пятьдесят третьего»? Такое же богатырское сложение, высокий лоб и прямой взгляд. Я твердо уверен, что схожесть внешняя почти всегда подразумевает и схожесть внутреннюю. Хорошо известно, что Степанов большой патриот России. Таким же патриотом своего Отечества был и Владимир Багрянцев.

В Видяево Багрянцевы прожили всего лишь три года после академии. С лейтенантских лет Владимир Багрянцев на «Гранитах». На них прошел все ступени службы. Их считали самыми лучшими в мире подводными лодками. Он был по-настоящему влюблен в море и больше всего на свете любил свои атомоходы. Он писал научные работы об использовании подводных лодок в современных условиях, коллекционировал вымпела и медали. Он был поистине увлеченным человеком.

Екатерина Багрянцева угощала меня удивительно вкусными домашними пирожками и рассказывала: «Мой Володя – очень сильный человек, он всегда все брал на себя. В жизни для него существовали прежде всего подводные лодки и семья. Был он очень большой, громкий и очень семейный. Для него всегда было особенно важно, чтобы его ждали дома. Сейчас вспоминается, что он всегда не хотел быть старым и болеть. Обладал каким-то особенно обостренным чувством патриотизма. Очень любил Россию. За нее и погиб...»

Летом Екатерина Багрянцева с младшим сыном отдыхали в Севастополе. Буквально за день до выхода в море на «Курске» Владимир позвонил ей. Сказал, что очень устал, сходит последний раз в море и после этого немного отдохнет. Сын Игорь, поговорив с отцом по телефону, расплакался:

– Я очень соскучился по папе!

В доме Багрянцевых всюду иконы. У одной из них горит лампада. И это не случайно. Капитан 1-го ранга Владимир Багрянцев был глубоко верующим человеком. Еще учась в Военно-морской академии, он часто посещал церковь, что в Петербурге на Черной речке. Исповедовался там и причащался. Духовным отцом Владимира был настоятель храма Сера-

фима Саровского протоиерей Василий Ермаков. В церковь Багрянцевы всегда ходили всей семьей. Незадолго до своего последнего выхода в море Владимир сказал жене:

– Знаешь, очень бы хотелось, чтобы в нашем гарнизоне был приход и батюшка!

Уже после гибели «Курска» было принято решение привезти разборную деревянную церковь из Костомукши.

Из воспоминаний бывшего сослуживца капитана 3-го ранга Андрея Румянцева: «Я больше 10 лет служил на подводной лодке с Владимиром Тихоновичем Багрянцевым и жил с ним на одном этаже... В восьмидесятых мы оба начинали лейтенантами... У него было всегда такое хорошее, здоровое стремление к карьере, настоящий талант моряка. Призвание, ничего не скажешь. Здоровяк от природы, сильный, общительный, смелый... С нашей базы ушел в свой последний рейс “Комсомолец”. Когда он погиб, многие перепугались, но только не Владимир – он моряк от бога. Хотя ведь тоже – жена, дети, мог бы и побережь себя. Но тогда это был бы уже не Багрянцев».

Служебные характеристики капитана 1-го ранга В. Багрянцева говорят о том, что на всех ступенях службы он увлекался научно-исследовательской работой, работал над книгой о стратегии и тактике применения оружия в неординарных условиях атомными подводными лодками, изучал проблемы космоса, за освоение которого был награжден медалью Королева. Это более чем удивительно: профессионал гидрокосмоса, он мечтал о космосе вселенском!

Общаясь с офицерами 7-й дивизии, я, разумеется, расспрашивал их и о начальнике штаба. Все сразу же говорили о высочайшем интеллектуальном уровне капитана 1-го ранга Багрянцева, о его большом профессионализме. Сам знающий подводничье дело в совершенстве, начальник штаба бывал порой нетерпим к некомпетентности и разгильдяйству, но зла при этом никогда не таил, говорил все честно и открыто в лицо и так же быстро отходил.

Судьба, как в рулетку, сыграла жизнями офицеров штаба дивизии. На учения уходили две лодки, и командование с флагманскими специалистами до последнего момента не знало точно, кто и на какой именно лодке выйдет в море. Первоначально на «Курске» планировал идти командир дивизии контр-адмирал Михаил Кузнецов, но его не пустили какие-то неотложные дела. Затем на «Курск» был расписан заместитель комдива капитан 1-го ранга Виктор Кобелев, а Багрянцев на другую. Но в самый последний момент они поменялись местами... Что здесь скажешь? Может, и вправду у каждого своя судьба...

В штабе дивизии мне показали кабинет Владимира Багрянцева. Деловая, аскетическая обстановка. Ничего лишнего. Брошенная на спинку стула тужурка, стопка служебных документов, в углу стола открытая недочитанная книга адмирала Касатонова «Записки командующего флотом» с дарственной надписью автора. Кажется, что хозяин кабинета вышел по делам на какую-то минуту и вот-вот вернется...

У Владимира Багрянцева осталось два сына. Старший, Дмитрий, пошел по стопам отца. Летом 2000 года он перешел на второй курс военно-морского училища. Младший, Игорь, еще школьник. Отец очень любил обоих. У мужчин были свои особые «секреты». Вместе с отцом в нечастые выходные сыновья ходили на лыжах. Когда случилось несчастье, одиннадцатилетний Игорь встретил его как настоящий мужчина. Плачущую мать он успокаивал:

– Мамочка, ты только держись!

Как отец и старший брат, Игорь тоже хочет быть военным моряком. Что ж, так, наверное, и должно быть, чтобы сыновья заступали на вахту вместо отцов. Тем, и только тем жив наш российский флот!

* * *

Будучи на «Воронеже», я увидел запись в книге почетных посетителей, сделанную буквально за несколько дней до меня: «Были на экскурсии на атомной подводной лодке “Воронеж”. Впечатляет! Увидела, что условия для проживания хорошие. Убедилась, что служат на лодке настоящие, влюбленные в свою работу люди, романтики. Храни Вас Бог, родные! Желаю Вам быть здоровыми, обласканными солнцем и правительством. Вы того заслуживаете. Мать своего сыночка Байгарина Мурата Ихтияровича, капитана 3-го ранга, который всегда мечтал о море, и оно его не отпустило от себя...»

Капитан 3-го ранга Мурат Байгарин никак не должен был оказаться на «Курске». Летом 2000 года он поступил в Военно-морскую академию. И вернулся в Видяево, чтобы оформить документы и забрать семью в Питер. «Курск» уходил всего лишь на три дня. На нем предстояла торпедная стрельба, и опытный торпедист Мурат Байгарин не мог отказать в просьбе командования...

* * *

Вместе с экипажем ушел навсегда в море и капитан 2-го ранга Василий Исаенко. Службу свою он начинал на титановых лодках. Много лет прослужил киповцем (специалистом по контрольно-измерительным приборам) на лодке. Несколько комиссий по ядерной безопасности выдержал на «отлично», а это было весьма и весьма не просто! По характеру был очень деловым и трудолюбивым человеком. Все всегда делал сам, не ожидая никаких указаний. В штабе застать его было невозможно, так как все рабочее время проводил на лодках, обучая, воспитывая и помогая.

Из письма родных В.И. Исаенко: «Единственное, что Василий не признавал в людях никогда, так это некомпетентность и непрофессионализм. Он был хорошим, любящим отцом, сыном, мужем и братом. С детства Вася во всем был лидером. У всех преподавателей он всегда был любимым учеником. В старших классах руководил радиорубкой школы. Затем учился в промышленном техникуме, заведовал фотолабораторией. Кстати, и техникум окончил с “красным” дипломом. Играл в городском ВИА на бас-гитаре. Затем учился в Севастопольском приборостроительном институте. Там познакомился со своей будущей женой Галиной. В Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище поступил в 1982 году и был старше своих однокурсников на четыре года. С третьего курса был заместителем командира роты по учебе и, несмотря на то, что почти год в этой самой роте командирами были только офицеры, назначаемые временно, рота считалась одной из лучших по учебе на всем курсе. На третьем курсе Василий был Ленинским стипендиатом, а само училище окончил с золотой медалью.

В сентябре 1987 года, по прибытии на Северный флот, его назначили инженером группы автоматики главной энергетической установки и сразу же отправили на боевую службу. При этом его должность на атомоходах только вводилась. Пришлось во всем разбираться самому и в самые кратчайшие сроки. Василию предлагались, насколько мы знаем, различные должности на берегу, но он любил корабли. Золотая медаль давала ему право поступления без экзаменов в академию, но он и здесь не торопился, считал, что надо еще набраться опыта. Таким уж он был, всегда служил по принципу не где легче, а где нужнее».

* * *

Вместе с Василием Исаенко пошел на «Курске» и заместитель начальника электромеханической службы дивизии по ядерным установкам Белогунь. Раньше служил на «Воронеже». Очень ценили его и начальники, и подчиненные. Хотели было назначить НЭМСом, но для этого не было академии, а поэтому после «летних морей» Виктор должен был идти учиться на академические классы с последующим назначением на вышестоящую должность. Был должен, но так и не успел...

Из биографии капитана 2-го ранга Виктора Исаенко: родился в 1960 году в городе Марганец Днепропетровской области. Отец – горный инженер, мать – техник-строитель. В 1971 году закончил музыкальную школу по классу фортепиано. В 1977 закончил среднюю школу на «отлично». В том же году поступил в Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. В 1981 году женился. В 1982 году родилась дочь Аня, а еще два года спустя сын Артем. С 1983 года на Северном флоте. С 1993 года командир электромеханической боевой части гвардейского подводного крейсера «Воронеж». В 1993 году капитан 2-го ранга. С 1998 года заместитель начальника электромеханической службы 7-й дивизии подводных лодок. Заочно учился на пятом курсе Воронежского государственного университета на юридическом факультете. Сын Виктора Артем пошел по стопам отца. Ныне он курсант Санкт-Петербургского военно-морского института.

Родителям Виктора, проживавшим в маленьком украинском городке Марганец, о беде сообщила из Видяево его жена Галина. Как могла успокаивала, мол, что Витя просто помогает в спасательных работах... О том, что их сын на «Курске», родители узнали из телевизионных новостей.

– Мы думали, что у нас разорвется сердце! – рассказал позднее отец Виктора Михаил Зиновьевич.

Рассказывает мама Виктора Раиса Владимировна: «Все у него в жизни складывалось так хорошо: служба, жена, семья. Росли внуки, сын занимался любимым делом. Раскованный, обаятельный, остроумный... Как мы все им любовались, когда он приезжал в отпуск! Единственно, что волновало – это постоянная тревога за сына. Когда Виктор был помоложе, все говорил: “Мама, чего ты плачешь, ты должна гордиться, а ты плачешь...” Чтобы нам лодка не казалась чудовищем, сын однажды устроил нам со свахой на нее экскурсию. Сваха тогда, увидев эту махину изнутри, сразу занервничала, словно почувствовала опасность. А я, честно признаюсь, испытала не страх, а чувство гордости за человеческий разум. Вы знаете, я подумала, какая мощь, какое совершенство, ведь это почти как космический корабль и люди этим управляют! Но когда увидела атомный реактор, стало не по себе. Я подошла к нему и попросила: “Ты ж Витюшечку не подведи...”»

Из воспоминаний офицера штаба 7-й дивизии капитана 2-го ранга Сергея Ковалева: «Виктор пришел в штаб с “Воронежа”. Не помню случая, чтобы он отказал кому-нибудь в какой-то просьбе. Всегда дотошный, всегда вникал в мельчайшие детали вопроса. Очень большой любитель живой природы. Придя в штаб, первым делом в свой кабинет принес живые цветы. В любое время года, даже под вой метели любой пришедший в кабинет Виктора попадал в настоящее лето. Это, конечно, деталь, но деталь, характеризующая внутренний мир этого человека. Работы никогда не боялся. Засиживался в штабе до позднего вечера. Для меня Витя – человек, на которого всегда можно было положиться, как на самого себя».

На предстоящую боевую службу в Средиземное море Виктор планировал идти на «Пскове». Все отмечают исключительно высокие профессиональные и деловые качества, трудолюбие, жесткость во всем, что касалось дела, и справедливость. Зря никого никогда не ругал и не наказывал. До самого последнего момента не знал, на какой из подводных лодок

идти в море. Его звали сходить на «Пскове», но, подумав, капитан 2-го ранга Виктор Белогунь, сказал:

– Нет, пойду-ка я на «Курске»! «Батоны» мне как-то ближе!

У него были на «Курске» какие-то дела. Говорят, хотел посмотреть в море молодых лейтенантов, как они готовы к предстоящей боевой службе. Кроме этого он давно был очень дружен с командиром электромеханической боевой части «Курска» Юрием Саблиным. Что ж, рядом с ним он был и в их общий смертный час.

* * *

Флагманский ракетчик 7-й дивизии капитан 2-го ранга Юрий Шепетнов тоже пошел в тот роковой поход на «Курске». Его жена Людмила вспоминает, что в апреле в штабе дивизии офицеры собрались на поминальный вечер по «Комсомольцу». Дело в том, что «Комсомолец» входил в состав дивизии, подводные лодки которой, после очередного реформирования, вошли в состав 7-й дивизии. Именно поэтому память о трагедии у острова Медвежий в 1989 году, о погибших товарищах всегда здесь была особенно свята. Вечером домой Юрий пришел в каком-то необычном состоянии. Он был очень возбужден и говорил о том, что обязательно должен как можно больше ходить в море.

– Пойми меня, я ведь морская душа! – говорил он Людмиле. – А потому я не могу жить без моря и подводных лодок!

Из всех своих одноклассников по училищу к 2000 году Юра был единственный, кто еще служил на боевых кораблях. Одноклассники без всяких разговоров всегда отдавали ему пальму первенства, как настоящему моряку. Его душа рвалась в море, и море, словно услышав это, приняло к себе его мятежную душу...

Родом Юрий Шепетнов был из Севастополя, а потому с первого вздоха ему был родным воздух, наполненный ветрами далеких просторов и солоноватым привкусом волны. Отец Юры, Тихон Макарович, старшиной 2-й статьи в далекие пятидесятые служил на линкоре «Новороссийск». В ту страшную октябрьскую ночь он был на корабле. Вместе со всеми до самого конца находился на борту «Новороссийска» и только тогда, когда линкор начал тонуть, прыгнул в воду. И до сегодняшнего дня Тихон Макарович отчетливо помнит, как медленно и неотвратно, словно в замедленном кино, переворачивалась огромная черная туша «Новороссийска», словно некое огромное живое существо, умирая, уходило в пучину. Тихону Шепетнову тогда повезло, и он выжил, удержавшись на киле перевернутого линкора. Но трагедия «Новороссийска» не отвратила старшину 2-й статьи от моря и потому, уволившись в запас, он остается в Севастополе, становится рыбаком. За всю свою жизнь, вплоть до ухода на пенсию, Шепетнов-старший проплавал, наверное, по всем океанам планеты. Морскими офицерами стали и оба его сына: старший Александр и младший Юрий. Сейчас Тихон Макарович уже четыре года прикован к кровати после перенесенного инсульта...

Мама Юры Екатерина Марковна показывает мне школьную характеристику сына, где сказано: «По характеру общителен, но скромн, ответственн за порученное дело, очень добрый и отзывчивый. В коллективе пользуется уважением и признанием. Учится на “отлично”. Как лучшему комсомольцу школы, Юре было доверено нести почетную вахту на посту № 1 у мемориала защитников Севастополя».

– Его все любили, – вспоминает Екатерина Марковна. – Людям он всегда улыбался, на него никто не был в обиде. Юра помогал нам во всем, чем мог. При последней встрече, прощаясь, он посмотрел на меня каким-то особенно долгим взглядом и сказал: «Мама! Я знаю, как тебе будет трудно, но постарайся поднять отца на ноги!» Как будто все забрали! До сих пор не верится, что Юра уже никогда не приедет к нам!

Мы листаем старые семейные альбомы. На фотографиях разных лет Юра в окружении друзей, вместе с женой Людой, дочерью Олей. И только на маленькой фотографии для документов он в одиночестве, а на обороте надпись: «А это – я сам!»

После окончания училища имени Нахимова Юра попал на Северный флот на АПРК «Воронеж». Именно с «Воронежом» у него были связаны самые светлые и добрые воспоминания о службе. Здесь остались его товарищи, те, с кем служили и дружили семьями. Именно на «Воронеже» Юра Шепетнов прошел путь до командира ракетной боевой части. На свадьбе своего друга по службе на «Воронеже» он познакомился и с Людмилой. Три года они писали друг другу, а затем была скромная, но веселая офицерская свадьба. У Шепетновых была счастливая и дружная семья. По словам Люды, Юра был отчаянный домосед. Очень любил их шестилетнюю Ольгу. Когда однажды находился на больничном, научил ее читать, чем очень гордился.

– Мы за десять лет совместной жизни ни разу не поссорились! – рассказывает Людмила. – Я об этом никогда и никому не говорила, боялась сглазить. Теперь уже можно!

Вспоминает друг Юры командир АПРК «Воронеж» Олег Якубина: «Скажу честно, мне Юры очень и очень недостает! Он всегда был где-то рядом. Вместе отмечали праздники. Юра очень выделялся “мозгами”, был очень умный парень, когда служили вместе, всегда помогал советом. Второго Юры уже не будет!»

Что любил, чем увлекался Юрий Шепетнов? Как и большинство мужчин, любил рассказать о фантастических рыболовных удачах, любил читать книги о приключениях и морях. Прекрасно готовил. По воскресеньям в семье был традиционно его «кухонный день». По воспоминаниям друзей, у Юры были золотые руки. И сейчас в его доме стоят сделанные его руками подсвечники удивительной красоты, сделанные без всяких токарных станков, буквально на коленях, с помощью одного ножа. А еще он мечтал отделать резным деревом кухню, сделав ее настоящим теремком для своих любимых девочек.

Из воспоминаний офицера штаба 7-й дивизии капитана 2-го ранга Сергея Ковалева: «Юра всегда спокойный, всегда рассудительный, способный всегда подставить свое плечо. В короткое время влился в штабной коллектив. Проявил себя прекрасным наставником и воспитателем. Оба наших ракетных крейсера и 150-й экипаж ежегодно выполняли призовые ракетные стрельбы. По итогам 1999 года 150-й экипаж завоевал приз Главкома ВМФ, а в 2000 году его взял “Курск”. Юра Шепетнов был настоящим офицером флота России».

В последний раз Людмила видела Юру 24 июля. В тот день он возвращался из отпуска в Видяево, а Люда еще оставалась с дочкой у мамы на Украине. Сейчас она вспоминает, что, прощаясь с ней на киевском вокзале, муж все никак не хотел уходить, только когда поезд уже тронулся, он ее крепко поцеловал и, заскочив на ходу в вагон, еще долго махал рукой. Господи, как же хотелось ему продлить эти последние мгновения счастья!

О трагедии «Курска» Людмила услышала из телевизионных новостей. Она знала «Курск», ведь это была лодка из их дивизии. Немедленно позвонила в штаб дивизии. Спросила, где ее Юра.

– Не беспокойтесь! – ответили ей. – Он в море на «Данииле Московском»!

Но она все равно поспешила в гарнизон. Ей так хотелось поддержать мужа в эти трудные минуты. Когда ехала, даже не допускала мысли, что ее могли обмануть, плакала, ей так жалко было девочек с «Курска». Она недоумевает и сейчас: зачем это сделали, лучше бы сказали все сразу! Правду она узнала на мурманском вокзале, где встречали семьи погибшей лодки.

– Мой муж не с «Курска», но мне тоже очень надо в Видяево! – подошла она к автобусу, выделенному для прибывающих родственников «курян».

– Как ваша фамилия? – спросили ее. – Шепетнова? Нет, вы наша!

По словам Людмилы, это был самый тяжелый момент ее жизни. А дома она нашла связки сушеных грибов, которые муж заготовил к ее приезду, а на кровати подушке пачку ее писем, тех, что она писала ему в течение всех трех лет их знакомства до свадьбы.

– Мы любили смотреть семейные видеофильмы, фотографии, но, чтобы Юра перечитывал письма, этого я не помню! – вспоминает она. – А здесь что-то с ним произошло. Он все письма перечитал. Может, какая-то тоска одиночества, может, предчувствие...

Там же, дома, она потеряла сознание. Ее долго приводили в чувство, а она все никак не могла поверить, что уже никогда не увидит своего Юру. Пока шли спасательные работы, Люда все еще надеялась на чудо, но чуда так и не произошло.

Маленькая Оля до сих пор не верит в гибель папы. Успокаивая плачущую маму, она говорит ей, что папу обязательно спасут, его просто вытащат из моря удочкой, надо только набраться терпения и еще немножко подождать...

Глава четвертая Офицеры корабля

Старшим помощником командира корабля являлся капитан 2-го ранга Сергей Дудко. Потомственный военный моряк, выросший и окончивший школу в Видяево, он после окончания военно-морского училища снова вернулся сюда, чтобы однажды уйти из родного гарнизона уже навсегда... Из служебной характеристики курсанта С.В. Дудко: «Успеваемость отличная. Принципиален и объективен в суждениях. Самостоятелен. Решителен. Выдержан. Спокоен. Способен уверенно действовать в сложной обстановке. Проявляет упорство в достижении поставленной цели. Трудолюбив. Средний балл по успеваемости 4,51. Неоднократно объявлялся отличником учебы. Ответственен. Общителен. Вежлив, тактичен. Всегда готов оказать помощь товарищам». Добавить к изложенному в документе можно лишь то, что к выпуску главстаршина Дудко был уже старшиной роты, а это, для тех, кто знает специфику курсантской жизни, говорит о многом!

Уже офицером Сергей Дудко принял участие в августе 1994 года в походе атомохода Б-414 под командованием капитана 1-го ранга С. Кузьмина к Северному полюсу, где во время нештатной ситуации проявил мужество и высокий профессионализм. Вот как об этом сказано в его аттестации: «...В ходе выполнения боевой задачи проявил отвагу и мужество при возникновении аварийной ситуации в первом отсеке из-за короткого замыкания в приборе 66 МГК-500. Действуя быстро и решительно, капитан-лейтенант Дудко предотвратил возгорание и задымленность отсека, устранил аварийную ситуацию, способную привести к тяжелым последствиям». За совершенный подвиг он был награжден медалью «За отличие в воинской службе» 2-й степени. На боевую службу он ушел инженером группы, а вернулся уже командиром. Затем были командирские классы, также оконченные с отличием. Начальники пророчили Сергею прекрасную карьеру, а товарищи верили в его восходящую звезду, ведь далеко не многие в тридцать лет надевают на плечи погоны капитана 2-го ранга. Однако, наверное, более всех верила в будущее своего мужа его жена и верный друг Оксана. История любви Сергея и Оксаны достойна настоящего романа. Они вместе учились с первого класса видяевской средней школы. Но, как вспоминает Оксана, разглядели по-настоящему друг друга только в восьмом классе. Это светлое чувство первой влюбленности они пронесли через всю жизнь.

Оксана Дудко сильный человек. Внешне она держится очень хорошо и даже пытается улыбаться. Только глаза да горькая складка у губ выдают ее настоящее внутреннее состояние. Мы встретились с ней в комнате боевой славы Дома офицеров, куда Оксана забежала по дороге в госпиталь, чтобы отдать фотографу на пересъемку семейные фотографии. К моему удивлению, Оксана сразу же согласилась поговорить.

– Спрашивайте, что вас интересует, а я буду отвечать! – сказала она.

Разумеется, меня интересовало все. Согласитесь, что взаимная любовь еще со школьной скамьи сегодня не столь уж частое явление.

– Учились мы в общем-то не в одном классе, а в параллельных. А по-настоящему разглядели друг дружку где-то к восьмому классу. После школы вместе поехали поступать в Ленинград. Сережа в военно-морское училище, а я в политехнический техникум. За себя я, честно говоря, не слишком волновалась. Волновалась за Сережу. Знала, если он поступит, я буду как за каменной стеной. Поступили оба. На четвертом курсе поженились. Затем родился Костя.

Бегающая рядом двухлетняя Софья теребит маму, ей уже скучно и хочется на улицу.

– Сереже очень повезло с первым командиром. Это был Герой России Кузьмин. Но и выматывался муж тоже. Бывало, придет вечером со службы и сразу лицом в диван. После

классов места на лодке для него не было. Кузьмин звал его в Гаджиево к себе, а я отговорила. Зачем Гаджиево, когда нам привычнее в родном Видяево? Согласился. Когда служил на «Данииле Московском», его наградили от Лужкова медалью в честь 850-летия Москвы. Я тогда шутила, что надо еще 900 лет Пинска и 80 лет Мурманска и будет полный комплект. Когда предложили старпомом на «Курск», он буквально летал! У нас здесь принято называть экипаж по имени командира: кузьминцы, лячинцы. Я Сергею говорю, представляешь, если станешь командиром, твоих будут именовать дудковцами! Смеялся. Старпомом к Лячину ему комдив предложил. Мишу Коцегуба, бывшего до него старпомом, направили на классы. По-моему, он тогда даже немножко обижен был. А вот получилось, что Сережа жизнь спас Мише...

Известие об аварии Оксана встретила в Пинске, где отдыхала летом с детьми у родителей. Естественно, сразу примчалась в Видяево. Президент Белоруссии Лукашенко обещал помочь с жильем и обустройством. Присылал в Видяево даже своего посла.

Оксана собирается уходить. В госпитале с гайморитом лежит старший Костик, и они с Софьей торопятся к нему. В кульке виноград, который только что привезли в Видяево для семей погибших. После трагедии в госпиталь попало сразу несколько мальчишек, чьи отцы остались на «Курске». Мальчишкам от двух до тринадцати. И хотя диагнозы у всех разные, врачи говорят однозначно, что все это на нервной почве. Костя просит маму принести ему папину фотографию, но Оксана не решается, боится, что сын будет все время плакать над ней... Когда Костя был маленький, то, слыша разговоры отца о том, что он сегодня чуть не опоздал на автобус (на автобусах подводников доставляют из гарнизона в расположение дивизии), считал, что у него папа водитель этого самого автобуса и очень этим гордился. Сейчас Костя мечтает о подводных лодках...

Чем занимался и что увлекало старшего помощника «Курска» в нечастые свободные минуты?

– Прежде всего рыбалка, – говорит, немного подумав, Оксана. – Причем рыбалка весенняя, в экстремальных условиях, когда льдины уже ломаются и плавают отдельно друг от друга. Из писателей самый любимый, конечно, Пикуль. Он его всего вдоль и поперек перечитал. Был фанатичным болельщиком футбола. Очень ждал начала олимпийских игр, чтоб уже всласть поболеть за наших. Не дождался... Что касается привычек, то Сережа был большим педантом. Все у него по полочкам, все отглажено. Сам иногда шутил, что из него вышел бы хороший интендант. Сын приходит с улицы, сразу вопрос: «Папа дома?» Если папа дома, то сразу погонит мыть грязные кроссовки. Сережа очень любил детей и все свободное время уделял их воспитанию.

На «Курске» Сергей Дудко встретился со своим школьным одноклассником Димой Мурачевым. К этому времени капитан 3-го ранга Мурачев возглавлял дивизион движения. Несмотря на теперешнее различие в служебном положении, одноклассники сохранили между собой прекрасные отношения. На людях Дима именовал Сережу, как и положено, по имени-отчеству, ну а наедине они были, как и прежде, на «ты».

Вспоминают сослуживцы капитана 2-го ранга Дудко: «Раньше служил на “Данииле Московском”. Был инженером группы акустиков. Ходил на полюс. В свое дело был влюблен. Технику свою знал в совершенстве. Никто не слышит сигнала, а он слышит! Со второй автономки привез одиннадцать подтвержденных контактов! Когда назначили старпомом, в кратчайшее время сдал на допуск. Сам видяевский. Отец был у нас начальником комендатуры. Жена Оксана тоже видяевская, работает библиотекарем в школе. Сколько помним Серегу, всегда он был тактичен и целеустремлен. С ним никогда у командиров не было никаких проблем. Очень был обязательный. Если что пообещал, то в лепешку расшибется, но выполнит. Так же и с техникой, докопается до последнего винтика, но все сделает».

* * *

Естественно, что меня, служившего в свое время не один год заместителем командира корабля по политической части, особо интересовали воспоминания ребят о заместителе командира «Курска» по воспитательной работе капитане 2-го ранга Александре Шубине. Главными качествами, о которых говорили все, с кем я общался, были надежность и порядочность этого человека. Александр Анатольевич родом из донских казаков. Может, именно оттуда и эта обстоятельность в делах? Закончил знаменитую «Голландию» (мы окончили с ним училища в одном и том же году), затем всю жизнь Шубин на Северном флоте: служил на атомоходах, был замом на плавмастерской, на ремонтном заводе. Из всех заместителей по воспитательной работе 7-й дивизии он был, безусловно, самым опытным. Супруга Александра Ирина из Севастополя, тоже дочь моряка. Над личным делом Александра Шубина я сидел особенно долго, пытаюсь прочесть между скупых строк автобиографий и характеристик что-то присущее только ему. Мне кажется, что даже в нескольких предложениях последней из его характеристик можно увидеть всю обстоятельность и порядочность этого человека: «...Интересы службы всегда ставит выше личных. Способен самостоятельно добиваться поставленных целей, качественно решать самые сложные задачи. В сложной обстановке никогда не теряется, а действует собранно и осмотрительно, принимая грамотные решения. В своих решениях тверд. Пользуется заслуженным авторитетом личного состава. Дорожит честью и достоинством офицера. Службу в ВМФ любит и желает служить дальше».

* * *

Помощник командира корабля капитан-лейтенант Дмитрий Репников. Наверное, если есть понятие «блестящий офицер», то в первую очередь это относилось именно к Диме Репникову. Он вырос в семье подводника и с детства определил свой жизненный путь. Отличник в школе, с красным дипломом закончил вначале Нахимовское, а затем и высшее военно-морское училища. Почти в совершенстве владел английским и имел диплом военного переводчика. Увлекался карате и участвовал во многих соревнованиях. Однокашники Димы вспоминают, что он активно участвовал в училищной художественной самодеятельности, был неизменным участником знаменитого в Севастополе «КТЭМА» (курсантского театра эстрадной миниатюры). Всего всегда Дмитрий добивался сам без блата, исключительно своими силами и знаниями. У него всегда было много друзей, которые были готовы поделиться с ним последним, и он отвечал им такой же искренностью и преданностью. Во всем этом была огромная заслуга прежде всего Диминой мамы. Она очень рано ушла из жизни, но успела вложить в своего сына все самое лучшее, всю свою душу и сердце.

Высокий и широкоплечий Дмитрий Репников выделяется среди своих товарищей даже на любительских фотографиях. Таких, как Дима, раньше брали в кавалергарды. У него была прекрасная карьера: в двадцать семь уже помощник одной из самых передовых ходовых лодок флота. Впереди виделись новые моря и новые высоты. Командиры пророчили ему прекрасное будущее...

Когда Дмитрия Репникова уже назначили на «Курск», его жена Лена встретила в городке с его бывшим командиром по другой подводной лодке.

– Я очень рад за Диму! – сказал он ей. – Из него получится прекрасный помощник и отличный старпом!

Из служебной характеристики капитан-лейтенанта Д.А. Репникова: «Обладает спокойным и уравновешенным характером. Рассудителен. Имеет хорошую память и высокую рабо-

тоспособность. В сложной обстановке не теряется, действует грамотно. Правильно строит взаимоотношения с подчиненными и старшими. Пользуется заслуженным авторитетом в коллективе».

Он с первого захода сдал все зачеты на допуск. Все, с кем я ни говорил о Дмитрие Репникове, отмечали его прекрасную теоретическую подготовку и ответственность в отношении к служебным обязанностям.

Мы сидим в квартире Репниковых, и Лена, показывая мне семейные альбомы, рассказывает о своем муже, об их такой недолгой, но такой счастливой совместной жизни. Даже по фотографиям видно, что они идеально подходили друг к другу. Оба высокие, красивые и очень-очень счастливые...

Лена с Димой встретились случайно, когда подруга пригласила ее на выпуск в училище подводного плавания. Их первая встреча была мимолетной, и Лена говорит, что поначалу не отнеслась к ней серьезно. А вот Дима думал иначе. Уже спустя какую-то неделю он был в Севастополе, куда к родителям уехала Лена, и почти сразу же сделал ей предложение. Они еще год переписывались, а затем Дима примчался в отпуск на ее день рождения. Едва она открыла дверь, он сразу же вручил ей двадцать три розы, а на палец надел обручальное кольцо. Уже позднее, рассказывает Лена, когда они подсчитали, сколько же они виделись до свадьбы, то оказалось, что всего лишь одну неделю. Но разве важны какие-то сроки, когда рождается настоящая любовь?

Лена показывает свадебные фотографии. Они расписывались в том же севастопольском загсе, где когда-то была и моя свадьба. Сколько их, морских офицерских свадеб, помнит этот старенький загс!

– У нас была большая любовь, и нам всегда очень хотелось быть рядом друг с другом, – рассказывает Лена. – Отдыхать, делать какие-то домашние дела и даже готовить обед.

Он очень любил свою дочь и, как все молодые папы, считал своего ребенка самым гениальным.

– Если Даша делала что-либо хорошее, то он тут же всегда с гордостью говорил: «Ну ведь это моя дочь!»

Из представления капитан-лейтенанта Д. Репникова к награждению: «Капитан-лейтенант Дмитрий Алексеевич Репников – командир группы управления ракетной боевой части атомного подводного крейсера “К-141” в составе экипажа подводного крейсера в период с 5 августа 1999 года по 19 октября 1999 года выполнял задачи боевой службы по защите интересов Российской Федерации на морских рубежах. Впервые за многие годы подводный крейсер выполнял задачи боевой службы в Средиземном море.

В период предподходовой подготовки, невзирая на тяжелое положение флота, недостаточное материально-техническое обеспечение, показал образец безупречного исполнения своих обязанностей и выполнения воинского долга. Сумел качественно подготовить материальную часть своего заведования к длительному плаванию, что позволило успешно и эффективно решать задачи боевой службы... Капитан-лейтенант Репников Д.А. в составе корабельного боевого расчета по выходу в ракетную атаку обеспечил бесперебойную работу материальной части, своевременно и грамотно выполнял расчеты вероятности обнаружения цели, давал рекомендации для принятия командиром решения на применение ракетного оружия, что обеспечило высокую эффективность применения комплекса ракетного оружия... Безупречно знает оружие и технические средства своего заведования, правильно эксплуатирует, умело руководит группой управления при выполнении боевых задач... За образцовое исполнение воинского долга, высокие личные показатели в служебной деятельности, храбрость и отвагу при выполнении задач боевой службы капитан-лейтенант Репников Дмитрий Алексеевич достоин награждения медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” 2-й степени».

В то роковое лето им так и не удалось провести отпуск вместе. Заболела дочь Даша, и Лене пришлось срочно везти ее на юг к родителям. Когда она уезжала, то за прощальным ужином Дима поднял тост:

– За наш совместный летний отпуск в следующем году!

Лену он попросил привезти из Севастополя немного винограда, который очень любил.

– Тринадцатого августа у меня было очень беспокойно на душе, – вспоминает Лена. – Словно какой-то камень. С Дашей вообще была истерика. Мы ничего не могли понять, почему ребенок без видимой причины рыдает целый день. А потом нам позвонили...

В день, когда родственники членов экипажа «Курска» вышли в море, чтобы почтить память своих близких, Диме исполнилось бы двадцать семь. Там, над его могилой, отец Димы и отец Лены опустили в воду последний подарок своему сыну и зятю: бутылку водки и кисть крымского винограда, того самого, который Дима так любил...

* * *

С отцом командира штурманской боевой части «Курска» капитан-лейтенанта Сафонова капитаном 1-го ранга в запасе Анатолием Ефимовичем Сафоновым и его мамой Людмилой Анатольевной мы встретились в редакции журнала «Морской сборник». Перезванивались давно, но все время что-то мешало нашей встрече, и вот наконец она состоялась.

Не торопясь, листаю семейные альбомы Сафоновых, и перед глазами проходит вся короткая и честная жизнь Максима.

Он родился и вырос на берегу Великого океана в военно-морском гарнизоне Совгавань. Все было так, как всегда бывает в семьях моряков: отец плавал, а мама воспитывала сына. Затем были подмосковные Горки Рогачевские, где отец Максима дослуживал последние годы. На старых фотографиях маленький смеющийся малыш с веснушками на лице. Вот он с папой на пляже, где отчаянно бросается в набегающую волну, вот в форме юного моряка дает клятву на Красной площади, вот уже курсант нахимовского училища, затем курсант училища подводного плавания, вот уже повидавший моря и шторма офицер.

Море влекло Максима с раннего детства. Так уж повелось, что сыновья моряков, вырастая, почти всегда сами уходят в море. Едва начав ходить, Максим начал и плавать. Едва начав читать, уже знал наизусть все типы и проекты военных кораблей, моделями которых был заставлен весь дом, а высшим счастьем были дни, когда отец брал его к себе на корабль. В школе учился легко, словно играючи, особенно увлекался математикой. Был одарен музыкально и с удовольствием занимался в музыкальной школе по классу фоно. Зачитывался Купером, Кингом и Пикулем, был заядлым автолюбителем и старый «москвичок», который подарили родители, звал любовно: «мой Боливар». Был счастлив, ибо любил свою избранницу Людмилу. На октябрь 2000 перед автономкой намечал свадьбу. Венчаться планировал в подмосковных Горках, в той церкви, где его будут отпевать. Вся жизнь Максима Сафонова как краткий пролог к большому роману о счастливой жизни и долгой службе, роман, который так и остался недописанным.

Рассказывает мама Максима Людмила Анастасьевна: «В Максиме всегда было много фантазии, очень любил животных, писал прекрасные сочинения. С большим трепетом относился к морской форме. Будучи еще в клубе юных моряков, по два раза в день гладил брюки и форменку. Офицером окончательно решил стать после поездки клуба на Северный флот и посещения атомного ракетного крейсера «Киров». Узнав, что при поступлении в нахимовское училище особое внимание уделяется спорту, соорудил дома перекладину и ежедневно по несколько часов на ней занимался».

Из писем Максима домой: «...Получилось, как я и хотел. Попал на корабль 949А проекта, который совсем новый: 1994 года. Это самый ходовой «батон» на Севере. Дальше нача-

лась моя служба. Выдали зачетные листы и стал сдавать зачеты, которые уже сдал. Свой день рождения отпраздновал на корабле. Отношения с командиром БЧ и командиром ЭНГ у меня хорошие. Они постоянно стараются научить меня чему-то новому. Потихоньку осваиваю свою профессию, так, как следует... 20 сентября вышли в море на вторую задачу. Штурман многие интересные моменты плавания снимал на видеокамеру, так что когда я приеду, покажу вам запись. 28 сентября мы вернулись, и корабль стал готовиться к переходу в Северодвинск...»

«...Я сейчас в своей боевой части за главного, так как командир БЧ ушел в автономку, а командира ЭНГ откомандировали на другой корабль, вот мне и приходится теперь одному выполнять все за троих, тем более, что перед выходом в море работы очень много... Я сделаю фотографии со своим кораблем, с городком и отправлю их вам, чтобы вы хоть примерно представляли, где я живу и где служу. Со здоровьем у меня все в порядке, за всю зиму даже не чихнул...»

«...Отношусь ко всем трудностям, как к временным. Пока у меня нет мыслей о том, чтобы уволиться. К северу я уже привык, да и к службе тоже. Отношение со стороны старших офицеров хорошее. Конфликтов на служебной почве не случается. В этом году у нас увольняется много офицеров... С одной стороны, это хорошо: я очень быстро пойду в рост, а с другой – становится страшно даже представить, что после этого увольнения останется от нашего корабля... У нас многие офицеры учатся в Мурманске в университете заочно... Я вот тоже думаю после полочки съездить в Мурманск, узнать все про это дело и, может быть, на следующий учебный год поступить».

«...Недавно мы приняли свой корабль, который в феврале сдавали другому экипажу. Так что теперь много работы, свободного времени практически не бывает, да еще приходится заступать на вахту через двое суток на третьи, так как очень мало людей в экипаже, а на корабле большая вахта. Я и сейчас сижу в своей каюте на корабле и вот пишу это письмо...»

В декабре 1999 года Максим Сафонов стал командиром штурманской боевой части «Курска». И это всего спустя три года после окончания училища! Будучи дома в отпуске, Максим рассказывал, что во время одного из выходов в море лодка проходила недалеко от входа в Кольский залив место гибели известного летчика дважды Героя Советского Союза Бориса Сафонова. Командир «Курска» Лячин позвонил к себе тогда еще совсем молодого штурмана и сказал назидательно:

– Смотри, Максим, работай внимательнее, чтобы место гибели летчика Сафонова не стало местом гибели подводника Сафонова!

Разумеется, командир шутил, ибо в своем штурмане он был уверен на все сто. О профессиональной подготовке Максима говорит хотя бы такой факт. Незадолго до последнего выхода в море командир был вызван в Североморск с картами предварительной прокладки маршрута перехода. Составлял карту командир боевой части. Штаб флота – проверка серьезная. Морские офицеры знают, что предъявление карт флотским штурманам почти всегда заканчивается их возвращением на очередную доработку. Так было и в тот раз. Все командиры, поехавшие с Лячиным, привезли обратно свои карты для переделывания, все, кроме Лячина. Работа его штурмана была оценена на «отлично».

Из служебной характеристики капитан-лейтенанта Максима Сафонова: «Дисциплинированный и грамотный офицер. К исполнению служебных обязанностей относится добросовестно. Служебные интересы ставит выше личных. Требователен к себе и подчиненным. Учился в Обнинске в 1999 году. Имеет опыт боевой службы в Норвежском, Гренландском, Средиземном морях и в Атлантическом океане. Хорошие командирские качества. Способен добиваться поставленной цели. Общителен. Тактичен. Уравновешен. Развито чувство самокритики. Любит ВМФ».

Уже после трагедии мама Максима встретила в Видяево с мамой его подчиненного матроса Димы Миртова, Людмилой Валерьевной, приехавшей из далекой Ухты. Как последнюю память о сыне Людмила Валерьевна показала маме Максима его благодарственное письмо родителям подчиненного матроса, полученное за несколько дней до гибели подводной лодки.

У них вообще была на редкость дружная боевая часть. Маленький сплоченный коллектив, в котором все были большими друзьями вне службы и настоящими товарищами во время нее: поэт-романтик Сережа Тылик и знаток английского языка интеллектуал Вадим Бубнив, прямодушный и надежный Константин Козырев, настоящие специалисты своего дела и просто хорошие ребята: Дима Леонов и Дима Миртов...

8 августа у Максима был очередной (двадцать шестой) день рождения. Дома вечером, как обычно, собрались все друзья. Люда накрыла стол. Ждали лишь виновника торжества, который, занятый по службе, смог прийти лишь к двенадцати. Потом поднимали тосты, желали здоровья, долгих лет, успехов в жизни и службе. А ранним утром Максим убыл на лодку, готовиться к выходу в море. И никто из собравшихся не мог предположить, что они были приглашены вовсе не на день рождения, а на вечер прощания. Что ж, и здесь Максим остался верен себе, собрав в последний день своей земной жизни всех тех, кто был ему особенно близок и дорог. Пройдет совсем немного времени, и, прощаясь с последней надеждой на возвращение любимого человека, Людмила бросит в волны Баренцева моря ровно двадцать шесть красных гвоздик.

В тот день едва не ушел из жизни отец Максима Анатолий Ефимович. Незадолго до трагических событий ему сделали операцию на сердце, рекомендовав полный покой и минимум волнений. Но разве мог он, старый моряк, не поехать в Видяево, чтобы отдать последний долг памяти собственному сыну? Прямо на пирсе у Анатолия Ефимовича остановилось сердце. Уже позднее станет известно, что минуту и двадцать секунд он находился в состоянии клинической смерти. Спасти отца штурмана «Курска» удалось лишь благодаря профессионализму и оперативности военно-морских врачей.

А еще в видяевской квартире Сафоновых росла роза. Наблюдая и ухаживая за ней, Люда вывела для себя удивительную закономерность: когда Максим уходил в море, роза закрывалась, а в день его возвращения обязательно раскрывалась. Раскрылась она и 13 августа, когда он должен был прийти, но он так и не пришел...

* * *

Друзья и сослуживцы звали его кратко, но удивительно емко – Сила. В этом дружеском прозвище было все: признание первенства и лидерства, восхищение и искреннее уважение. Капитан 3-го ранга Андрей Силогава командовал на «Курске» ракетной боевой частью.

Родившись в Севастополе в семье моряка (отец Борис Романович много лет плавал механиком на рыболовном траулере), он с детства мечтал стать морским офицером. Однако путь к лейтенантским погонам оказался нелегким. Вначале было среднее профессионально-техническое училище, потом служба матросом на Каспийской флотилии. Оттуда Андрей поступает в училище Нахимова. Но грянули девяностые, и училище перешло к рукам новой украинской власти. Отказавшись присягать на верность последователям Мазепы, Андрей переводится в Калининград и заканчивает училище уже там. Затем был уже Северный флот и АПРК «Курск».

Вспоминает однокашник Андрея капитан-лейтенант Денис Аксенов: «Мы подружались еще на первом курсе. Андрюша пришел с флота, а потому учил меня, как подшивать форму, как складывать на ночь “конвертом” робу и так далее. Вместе ходили в увольнение, вместе сидели за одной партой, вместе отмечали дни рождения. Андрюша был на редкость

надежным другом. Я не помню случая, чтобы он кого-нибудь подвел. Помню, после первого курса у нас была практика на крейсере «Москва». Там возник конфликт между нами курсантами и местными «годками». Уладить все удалось только благодаря Андрею. Он с первого по пятый курс был неизменным старшиной роты. Это в училище не просто, ведь надо и начальников не подводить, и ребят не обижать. Андрюше это удавалось. Любил домино, футбол, анекдот, удачную шутку, был на редкость трудолюбивый и очень требовательный, прежде всего к самому себе. Я был друг, но поблажек он не делал и мне. Старшинскими привилегиями никогда не пользовался. Скорее отпустит кого-нибудь в увольнение, а сам останется в роте, чтобы не упрекнули в несправедливости. Однажды у нашего товарища была свадьба в Алуште. Андрею тоже очень хотелось поехать, но он поступил иначе: отпустил туда всех ребят, а сам остался на всякий случай в училище. По натуре был очень отзывчив и всегда шел навстречу ребятам, если по-настоящему надо было помочь. Если за что-то брался, то доводил дело до конца. За эти качества Андрея у нас все очень уважали».

Со своей будущей женой Оксаной Андрей был знаком еще со школы. Ходили в один класс, жили в соседних домах. Оксана тоже из морской семьи. Родилась на Сахалине, но потом родители перебрались в Севастополь. Женились, когда Андрей еще был курсантом. Когда ему пришлось доучиваться в Калининграде, Оксана поехала вслед за мужем. Пришлось нелегко. Снимали квартиры, едва-едва сводили концы с концами. Оксана устроилась работать в поликлинику, Андрей тоже, когда была возможность, иногда подрабатывал. Родители ждали их на зимний отпуск, но Андрей с Оксаной тогда так и не приехали. Не было денег, и оба работали, чтобы было на что жить оставшиеся полгода до выпуска. Вообще, по отзывам всех, кто знал семью Силогавы, Андрей и Оксана очень подходили друг к другу: оба живые, энергичные и жизнерадостные. Знакомые их рассказывали, что они всегда любили повеселиться в компании, попеть, потанцевать. Андрей был семейным человеком, а потому его всегда тянуло домой. Всегда помогал Оксане. Они все всегда старались делать вместе: и ремонт, и генеральную уборку.

По отзывам друзей, Андрей очень увлекался техникой, не любил сидеть без дела, все время был чем-то занят. Купил себе машину и очень за ней ухаживал, проводя вечера в гараже.

Мне много рассказывали, что Андрей обладал хорошим чувством юмора. Ценил хорошую шутку, мог пошутить и сам, но очень интеллигентно и без хамства.

Свое будущее видел только на подводных лодках: мечтал служить и плавать. Из служебной характеристики Андрея Силогавы: «Много времени уделяет совершенствованию специальности. Хорошие организаторские качества. Инициативен и самостоятелен. Требовательный и заботливый командир. Спокойный, выдержанный. На критику реагирует правильно, недостатки устраняет в кратчайший срок. Интересы службы всегда ставит выше личных. Пользуется авторитетом в коллективе. Трудолюбив. Постоянно работает над повышением военных, политических и технических знаний. Хороший семьянин. Службу в военно-морском флоте любит».

Будучи в Видяево, я несколько раз общался с Оксаной. И хотя разговаривали мы буквально по несколько минут, меня поразила ее сила воли и то, с каким достоинством она держалась на людях. В разговорах с видяевскими офицерами то и дело проскакивало и имя Андрея. В основном при этом речь шла о том, что в течение лета он все время ездил на своей машине в Мурманск, где встречал семьи друзей, возвращавшихся в гарнизон после летнего отдыха. Одному из друзей он обещал встретить его семью после возвращения с моря. Наверное, это был единственный случай, когда Андрей не сдержал своего слова...

В июне 2000 года Андрей Силогава стал капитаном 3-го ранга. К сожалению, на всех оставшихся фотографиях он так и остался улыбающимся капитан-лейтенантом. Андрей так и не успел сфотографироваться даже на личное дело.

* * *

Наверное, из всего экипажа судьба командира радиотехнической службы «Курска» капитана 3-го ранга Александра Садкова самая трудная и поучительная. Уроженец Белоруссии, он затем переехал с семьей в Амурскую область. После школы поступил в Тихоокеанское высшее военно-морское училище. По окончании назначение на Северный флот в Видяево. Служба складывалась в общем-то неплохо. В служебной характеристике этого времени значится: «Волевые качества и командирские навыки хорошие. По характеру спокоен. Выдержан. Общителен. Самостоятелен. Отзывчив. На замечания и критику старших реагирует правильно. Морально устойчив». Много поплавать после училища, однако, не удалось. В Видяево формировали экипаж строящейся в Северодвинске К-141, и Садков был включен в его состав. Экипаж будущего «Курска» вскоре отправили на учебу в Обнинск. Там у Александра и произошла первая неприятность. Во время посещения местного ресторана «Юбилейный» произошел скандал с милицией. В результате молодой капитан-лейтенант попал в милицию. Вообще, инциденты в ресторанах с морскими офицерами – дело не редкое. Молодые и уверенные в себе, вырвавшиеся на короткое время из прочных корпусов в почти неведомую им городскую жизнь, они зачастую позволяют себе не слишком почтительное обращение с представителями властей, которые не видели и сотой доли того, что видели они, тонувшие и горевшие. Везло, правда, всем по-разному. Кто-то выкручивался сам, кого-то выручали умные начальники, ну а кто-то залетал. Старшему лейтенанту Садкову не повезло. Повезло мне, и я нашел в Видяево одного из свидетелей того старого «ЧП».

– Саша был абсолютно ни в чем не виноват! – пожал плечами на мои расспросы, сказал он. – Милиция тогда придралась к нам просто не из-за чего, а он, как и подобает настоящему офицеру, прикрывал отход товарищей!

Вполне офицерский поступок не был, однако, оценен начальниками. Делу дали ход, и старшему лейтенанту на полгода задержали звание капитан-лейтенанта. Результатом такой несправедливости была обида, и молодой офицер стал приносить одно происшествие за другим. В личном деле Садкова говорится об участившихся прогулах и четырех «энэсесах». Служба явно не получалась. Дело дошло до товарищеского суда младшего офицерского состава. И тогда обиженный и непонятый капитан-лейтенант принимает решение об увольнении в запас. Рапорту был дан ход, и вскоре Александр Садков уехал к маме Надежде Алексеевне в Амурскую область. Однако гражданская жизнь тоже не получилась. Мир новоявленного капитализма оказался слишком отличным от офицерского понятия о порядочности и чести. 23 декабря 1994 года Александр пишет рапорт в военкомат: «Прошу принять меня на военную службу...» В 1995 году Александр Садков восстанавливается на военной службе в прежнем звании и подписывает контракт на пять лет. Он возвращается в Видяево, а спустя три года отправляется на учебу на офицерские классы. Характеристика, данная капитан-лейтенанту Садкову на классах: «...Зарекомендовал себя дисциплинированным и исполнительным офицером. Дисциплинарных взысканий не имеет. Учится только на 4 и 5. За время учебы проявлял усердие. По характеру спокоен, выдержан. В коллективе пользуется авторитетом. Вежлив. Тактичен». Там же, на классах, Садкову присвоено звание капитана 3-го ранга. Передо мной экзаменационная ведомость, подписанная начальником классов вице-адмиралом Ю. Устименко. Все экзамены сданы только с одной оценкой – «отлично»!

А затем было назначение на «Курск» начальником РТС. Геннадий Лячин поверил в Садкова и ни разу не разочаровался. Высокопрофессиональный специалист, он был одновременно и прекрасным воспитателем для своих подчиненных. Летом 2000 года был зачислен на учебу в академию. Почти одновременно устроилась и личная жизнь. Там же, в Видяево, Александр познакомился с Инной. Была свадьба.

Все складывалось как нельзя лучше, как в сказке со многими приключениями, но с обязательным счастливым концом. Но именно этого счастливого конца и не получилось. И от этого становится еще обидней и горше...

* * *

Командир электромеханической боевой части на подводных кораблях – фигура знаковая. Именно поэтому в отечественном флоте только командиры БЧ-5 имели право на ношение почетных знаков «командир подводной лодки». Командиром электромеханической боевой части на «Курске» был капитан 2-го ранга Юрий Саблин.

Родом Юра из Севастополя, города, где такие понятия, как честь, долг и флот, приходят к мальчишкам с молоком матери. Отец Юры Борис Александрович до выхода на пенсию был офицером-подводником, мама Галина Афанасьевна всю жизнь проработала в воинской части Черноморского флота. А потому после окончания средней школы перед их сыном не стояло вопроса, куда идти – конечно же, учиться на подводника! Так Юрий стал курсантом Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища.

Затем были атомные лодки Северного флота и трудное восхождение по ступеням электромеханической службы: вначале командир группы, затем командир дивизиона и, наконец, командир боевой части. Из офицерской аттестации капитана 2-го ранга Ю.Б. Саблина: «Высокодисциплинированный, исполнительный и трудолюбивый. Ревностно, с чувством высокой ответственности относится к исполнению служебного долга. Командирские качества развиты хорошо. Обладает командирским тактом. Свое мнение не скрывает. Всегда дает правильную критическую оценку негативным явлениям. На критику реагирует правильно. В работе организован и самостоятелен».

А вот что говорит о Юрии Саблине хорошо его знавший командир соседней подводной лодки капитан 1-го ранга Владимир Соколов: «Юра Саблин всегда отличался каким-то особым обаянием. От него исходил заряд бодрости, и я никогда не видел его унылым. В экипаже его звали уважительно “ЮрБор”, то есть Юрий Борисович. В свою очередь он всех матросов именовал ласково и по-отечески потапами. Такого механика, как Саблин, мечтал бы иметь любой командир. С таким специалистом можно было спать спокойно! Мне кажется, что у него не было иных увлечений, кроме службы. Все служебное и свободное время он посвящал только ей. А как учил бедных лейтенантов! С тех только пух летел! Заставлял изучать корабль до последней гайки! Но уж зато кто проходил его школу, тот мог уже все. При этом он не только спрашивал, он учил, терпеливо и планомерно. Юру почему-то мне жаль особо».

Своими феноменальными знаниями Юра Саблин потряс всех еще в учебном центре в Обнинске, где обучался его экипаж. Не было случая, чтобы он не ответил хотя бы на один из заданных ему вопросов, причем отвечал всегда, не задумываясь. «Ощущение было такое, – вспоминает один из его старых сослуживцев, – что он заранее знал, что и когда у него спросят. А потому я твердо уверен, когда случилась беда с кораблем, Юра сделал все от него зависящее. Больше него мог в той ситуации сделать только Господь Бог».

Был у Юрия Саблина друг Виктор Белогунь. Они вместе служили на «Воронеже». Вместе делили тягости и трудности службы. Вместе ушли и в свой последний поход...

В одном из кабинетов штаба 7-й дивизии собравшиеся офицеры поделились со мной своими воспоминаниями о механике с «Курска»:

– Таких механиков мы больше не встречали. Юра всех всегда называл на «вы», даже матросов. Он был не просто требователен, а сверхтребователен. Мы даже смеялись над «курянами»: «Ну у вас механик и гайки закручивает!» Главный его конек был борьба за живучесть. На «Курске» за живучесть боролись постоянно, причем с фактическим разматыванием катушек ВПЛ. Юра добивался, чтобы каждый офицер умел не только бороться сам,

но и руководить борьбой. Особо он тренировал командиров отсеков. Они, бедолаги, не знали покоя ни днем ни ночью.

Однако не это больше всего поразило меня, а нечто иное. Из статьи «Три капитана» воронежской газеты «Коммуна» от 24 декабря 1997 года: «В рамках шефских связей, установленных Воронежем три года назад с одноименным кораблем Северного флота, получили возможность приобрести второе образование в ВГУ морские офицеры. Держатся они скромно, на занятия ходят в “гражданке”, и мало кто знает, что эти студенты – заочники пятого курса юридического факультета с гвардейского атомного подводного крейсера “Воронеж”, несущего боевую вахту на Северном флоте. Александр Любченко, гвардии капитан 3-го ранга, командир дивизиона живучести, Юрий Саблин, гвардии капитан 3-го ранга, командир электромеханического дивизиона, Виктор Белогунь, гвардии капитан 2-го ранга, командир электромеханической боевой части корабля... На сессию они безнадежно опоздали, и когда пытаются объяснить, что не смогли сдать зачеты и экзамены со своей группой по очень уважительной причине – были в “автономке” на боевом дежурстве в Северной Атлантике, преподаватели удивляются: какая “автономка”, какая Атлантика?.. На сессию приехали за счет своего очередного отпуска. Ученического, положенного им, командование при всем желании дать не может – не хватает людей... Как же им удастся учиться? Не без юмора рассказывают: берем в поход книги. Правда, когда корабль готовится выйти в плавание – не до них... После возвращения из плавания они недели полторы не могли уехать в Воронеж – были проблемы с отпускными: деньги на флоте, как и везде по стране, задерживают. И все же они служат: “Мы – из старой гвардии, потому и служим!”»

Служба и учеба забирали все свободное время этого незаурядного офицера, а потому женился Юра относительно поздно, только в 1999 году. С женой Ириной они не прожили вместе и года...

С мамой Юры Галиной Афанасьевной и его старшим братом Сергеем мы познакомились в Севастополе. У Галины Афанасьевны удивительно светлые и добрые глаза, в которых навечно поселилась боль. После гибели сына она перенесла один за другим два инфаркта и осталась жива только благодаря заботе врачей и сестричек Черноморского госпиталя. Мы пьем чай, а мама и брат рассказывают и рассказывают. Отец Юры был подводником, служил на черноморских «малютках». Учился Юра в школе хорошо, много читал, играл на гитаре. Юрины книги и сейчас стоят в его комнате на полках, среди них явно преобладает военноморская историческая литература.

– Особенно много бумаг было у Юры об апл «Комсомолец», – рассказывает его брат Сергей. – Везде искал и собирал. А недавно я нашел среди его бумаг инструкцию по организации выхода личного состава из затонувшей подводной лодки! Сразу вспомнилось, как однажды он сказал мне, что если на лодке что-то случится, то он должен будет остаться там до конца и бороться за ее живучесть...

В училище Юра учился отлично, доказательством тому фотография у знамени училища за отличные показатели в учебе. Галина Афанасьевна показала мне курсантскую записную книжку сына. Все мы в свое время имели подобные книжки. Но Юрина поразила меня надписью на первой же странице: «Если придется погибнуть мне, то лучше могилы нет, чем на дне!» Разумеется, в этом было не столько предчувствие, сколько мальчишеский максимализм, помноженный на курсантскую жажду подвига, и все же от прочтения этих слов становится как-то не по себе...

По окончании училища первоначально попал было на Камчатку, затем на новостроящийся «Воронеж». По характеру был домоседом. Всегда был требователен к себе. К концу отпуска уже тосковал по службе. После увольнения в запас хотел жить в Воронеже и забрать туда с собой маму.

12 августа был день рождения Галины Афанасьевны. Юра позвонил загодя, еще 10 августа. Поздравил. Пожелал здоровья. Двенадцатого числа на душе у Юриной мамы было тяжело, все буквально валилось из рук. Пришли поздравить старший сын с женой. Но праздника не получалось. Зачитали Юрину телеграмму «Здравствуй дорогая мамуля! От всей души поздравляем тебя с днем рождения. Желаем здоровья, удачи, успехов. И если морщинок – то только от смеха, а если уж слезы – то только от счастья!»

Уже после обеда, когда мыла посуду, Галина Афанасьевна включила радио и услышала сообщение по украинской программе, что в Баренцевом море затонула лодка. Сразу же побежала в церковь. Молилась: «Господи, спаси их всех! Спаси наших детей!» Уже потом позвонила невестке в Видяево. Спросила только: «Юра – там?» И услышала страшное: «Да, он там!»

После намечавшейся осенью 2000 года боевой службы Юрий Саблин выдвигался командованием на должность заместителя начальника электромеханической службы дивизии. Теперь он им уже никогда не будет. Вся жизнь Юрия Саблина укладывалась в весьма лаконичную формулу: долг, флот, профессионализм. Он и был профессионалом самого высокого класса, человеком долга и патриотом флота – капитан 2-го ранга Юрий Борисович Саблин. Брат Юры Сергей рассказал мне, что третий тост Юра всегда поднимал за тех, кто в море, и при этом добавлял: «Пусть им всем повезет!» Увы, судьба распорядилась так, что не повезло именно ему и его товарищам... А еще я слышал, что будто бы первоначально Юрия Саблина хотели представить к званию Героя России. Было это или нет на самом деле, судить не берусь, но это ли важно, ведь для нас живущих он теперь герой навечно!

* * *

Самой благородной и самой гуманной профессией во все времена была профессия врача. И пусть на плечах врачей даже были офицерские погоны, они все равно не убивали, а лечили, не разрушали, а спасали, не взрывали, а исцеляли.

В ряду преемников Гиппократов особым отрядом стоят медицинские работники военно-морского флота, кому приходится исполнять свой долг в экстремальных условиях, и уж вообще элитой среди элиты являются врачи подводного флота. Со времен училища помню истории о сложнейших операциях в глубинах океанов, когда жизнь подводников спасал только профессионализм корабельного доктора. Рассказывают даже о случае, когда врач-подводник, во имя выполнения боевой задачи, делал сам себе операцию при помощи зеркала и сделал ее вполне успешно. Для меня с детства образцом врачебного долга был подвиг врача с атомной подводной лодки К-8 нашего гарнизона капитана медицинской службы Арсения Мефодиевича Соловья, жившего в соседнем с нами подъезде. Во время пожара на лодке он надел свой изолирующий противогаз на недавно прооперированного старшину и ценой собственной жизни спас чужую. Арсения Соловья представляли к званию Героя Советского Союза, но, увы, безрезультатно. Ныне в далекой Гремихе, на вершине сопки, стоит памятник подводникам К-8, на котором запечатлен именно подвиг корабельного врача.

Врачом на атомном подводном ракетном крейсере «Курск» был капитан медицинской службы Алексей Станкевич. Родом из древнего города Глухова, что в Сумской области, он вырос в семье офицера ракетных войск и преподавателя музыки. От отца он унаследовал любовь к военной службе, а от мамы любовь к музыке. Но превыше всего его влекла романтика моря, а потому, выдержав немалый конкурс, Алексей поступил в нахимовское училище. Так в первый раз его судьба сделала крутой поворот. Так он стал моряком, чтобы затем стать и врачом. 16 мая 1991 года выпускник нахимовского училища написал рапорт, который навечно остался подшитым в его личном деле: «Рапорт. Прошу Вас после окончания нахимовского училища направить меня для дальнейшего обучения в военно-медицинскую акаде-

мию. Нахимовец Станкевич». На рапорте штамп с оттиском «Зачислен слушателем ВМА им. Кирова 1.08.91 г.». Так второй раз определился поворот его судьбы. Годы в академии стали не только годами учебы, но и любви. Именно тогда он познакомился с девушкой Марией из центральной библиотеки им. Маяковского, которая вскоре стала его женой.

Из рассказа однокашников Алексея Станкевича: «Он всегда выделялся способностями, усердием и художественным вкусом. Еще с Нахимовского он не расставался со скрипкой. Был бессменным участником художественной самодеятельности. Во время выездов на парады в Москву часто выступал на предприятиях с концертами и, возвращаясь вечером, всегда делился “заработанными” сладостями. Во время учебы в академии особенно любил химию и всегда консультировал нас перед экзаменами. Затем увлекся хирургией. Окончил интернатуру. Алексей мог бы стать блестящим исследователем, педагогом, клиницистом. Мог бы...»

По выпуску из академии лейтенант медицинской службы Алексей Станкевич получает диплом по специальности «лечебное дело» и подписывает обещание врача России: «... Честно и бескорыстно буду творить я свою жизнь и свое искусство, творя милосердие и не причиняя зла людям... В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного...» Эта врачебная клятва так и осталась подшитой в личном деле Алексея.

Затем была годовая хирургическая ординатура и назначение на Северный флот. Первоначально лейтенант медицинской службы Станкевич попал на атомную подводную лодку «Нижний Новгород», а в марте 2000 года был переведен на «Курск». Там он встретился с командиром штурманской боевой части Максимом Сафоновым, своим одноклассником по нахимовскому училищу. Вместе им суждено было впервые надеть морскую форму, вместе будет суждено и принять мученическую смерть в глубинах Ледовитого океана.

Из служебной характеристики капитана медицинской службы Алексея Станкевича: «Ассистировал при сложных оперативных вмешательствах. Участвовал в амбулаторно-поликлинических приемах. Может оказывать неотложную медицинскую помощь раненым, пораженным и больным. Работает добросовестно. По характеру целеустремлен, рассудителен. В быту скромнен, правдив. Дисциплинирован. Изучил основы физиологии подводного плавания и профессиональных заболеваний подводников и водолазов. Может осуществлять медицинское обеспечение легководолазной подготовки».

В нем сочетались грани разных талантов: моряк-романтик, врач и скрипач-музыкант. Куда бы он ни ехал, всегда брал с собой свою скрипку. Помните знаменитый роман Валентина Пикуля «Крейсера» и главного героя этого романа мичмана Панафидина, беззаветно любящего свою арфу? Наверное, именно так любил свою скрипку и капитан Станкевич. Как знать, может, и в последние смертные минуты его скрипка была рядом с ним.

Он скрипку любил, как любят друзья,
Он с нею был ласков, был преданным ей.
В минуты веселья, минуты печали
Взаимностью струны ему отвечали...
Узнала ли скрипка подводную грусть?
Пусть тайною это останется, пусть!
Пусть там под водою, пусть вторя волне,
Реквием в мрачной звучит тишине.
И чудится, будто мелодия тает.
В печальной тоске его скрипка рыдает...

* * *

У него была необычная и запоминающаяся фамилия Иванов-Павлов. На «Курске» же он служил командиром минно-торпедной боевой части в звании старшего лейтенанта. Как и большинство офицеров «Курска», он ступил на палубу подводного крейсера далеко не случайно. Килия, где он родился, крупный Дунайский порт. Отец Александр Владимирович – инженер-конструктор местного судоремонтного завода, на том же заводе работала инженером-технологом и его мама Наталья Алексеевна. Как гражданин России, Алексей смог в 1994 году поступить в училище подводного плавания на факультет противолодочного вооружения и с отличием его закончить. Ему прочили прекрасное будущее и быструю карьеру, а он мечтал просто плавать на боевых кораблях. Родившийся на Дунае, он мечтал об океане.

Бывшая учительница Алексея Татьяна Петровна вспоминает, что когда он в первый раз приехал в город после окончания училища в парадной форме и с кортиком, то весь город был просто восхищен. За время обучения Алексей не раз поощрялся грамотами за успехи в освоении военно-морской специальности. Честно говоря, не часто мне приходилось видеть такое количество грамот, сколько за годы учебы в Высшем военно-морском училище подводного плавания имени Ленинского комсомола получил Алексей.

Из выпускной училищной характеристики старшины 2-й статьи Иванова-Павлова: «За время обучения зарекомендовал себя исполнительным и дисциплинированным курсантом. Являлся командиром отделения. Учился только на “отлично”. Самостоятельно работает над повышением теоретических знаний. Имеет легкий характер. Вежлив. Общителен. В коллективе ровные отношения. Развито логическое мышление. Работоспособность и трудолюбие высокие».

После окончания училища Алексей получил назначение на береговую должность, но когда в отделе кадров узнали, что перед ними лейтенант с красным дипломом, молодой и перспективный офицер был назначен командиром торпедной группы на подводную лодку Б-534. На «Курск» Иванов-Павлов попал день в день за месяц до катастрофы, 13 июля.

Самым последним документом в тонком личном деле старшего лейтенанта Иванова-Павлова оказалось представление на должность командира боевой части «Курска»: «Грамотный, исполнительный, дисциплинированный и инициативный офицер, с высоким чувством долга и ответственности. Требователен к себе и подчиненным. Является образцом выполнения воинского долга. К использованию оружия относится исключительно добросовестно. Хороший организатор. Способен мобилизовать личный состав. Имеет пять поощрений от командира части и одно от командира соединения. Допущен к несению ходовой вахты».

О трагедии «Курска» родители Алексея узнали, наверное, позже всех. Дело в том, что в Килии российское телевидение почти не принимается, да и газеты приходят из центра только на вторые-третьи сутки. Старший лейтенант Иванов-Павлов не успел многого: стать, как мечтал, адмиралом, жениться, родить сына, прожить долгую жизнь. Однако он смог стать настоящим флотским офицером и остаться им до конца...

Из записной книжки Алексея Иванова-Павлова: «Хочешь быть морским офицером, отдай все от себя. Не держи. Не придерживай. Учись каждый день. Будь собран как кулак. У тебя великого богатства нет, наверное, – море твое богатство. А если бы и было у тебя другое богатство, вспомни про Великого Петра. Он ведь всего себя отдал России».

Теперь мы знаем, что и лейтенант Иванов-Павлов тоже всего себя отдал Отечеству, как и тот, с кого он брал пример в своей столь короткой жизни...

* * *

Инженер гидроакустической группы старший лейтенант Алексей Коробков. Из служебной характеристики на А.В. Коробкова: «Командные навыки и воинские качества хорошие. Самостоятелен. Способен грамотно действовать в сложной обстановке. Имеет опыт практической работы. С обязанностями справляется успешно. В своей правильности выбора профессии офицера ВМФ уверен. Исполнителен. Точно и своевременно выполняет приказания. Скромен. Несколько малообщителен и замкнут. С товарищами по службе и старшими тактичен. Психологически устойчив. По характеру спокойный и уравновешенный. Хороший и заботливый семьянин...»

Ира Коробкова познакомилась со своим будущим мужем на вечеринке в общежитии, куда девчонки пригласили мальчишек – курсантов училища радиоэлектроники. Наверное, так было и будет всегда в офицерских семьях. Любовь рождается внезапно и случайно на свадьбах однокашников и училищных вечерах отдыха, в увольнениях и отпусках. Так было и у Иры и Леша Коробковых. Алексей вырос в забытой богом и продуваемой насквозь ветрами Гремихе. Отец, прослуживший всю жизнь на подводных лодках, видимо, передал сыну свою преданность подплаву.

Я тоже вырос в Гремихе, и весь мир для меня так же сосредотачивался в стоящих у причалов атомоходах. Я просто не понимал, как взрослый мужчина может вообще заниматься чем-либо достойным в жизни, не став военным моряком. В своих суждениях я был не одинок, а потому из нашего небольшого класса пятеро ребят ушли в военно-морские училища и один стал инженером-кораблестроителем. Так происходило раньше, происходит и сегодня во всех военно-морских гарнизонах, где мальчишки привыкли просыпаться под туманные ревуны, а запах корабельного сурика для них ассоциируется с запахом детства.

Все детство Алексея рядом с ним были подводные лодки. Может быть, именно поэтому повсюду в его квартире самодельные модели кораблей, любительские картины, на которых он изображал мечту всей своей жизни – пронзающие толщу вод подводные атомоходы.

– Это все Леша делал и рисовал! – перехватывает мой взгляд Ира. – Леша был вообще по своей натуре не очень общительный, любой компании всегда предпочитал семью. И очень любил дом и уют. Курсантом говорил мне, что рассчитывает стать адмиралом. Затем, когда немного послужил, говорил: «Нет, до адмирала я, пожалуй, не дотяну, а вот до капитана 3-го ранга уж точно!» Да вот все сложилось совсем по-иному...

Среди работ Алексея была и картина, изображающая гибель атомной подводной лодки К-8.

Мы некоторое время молчим. В книжном шкафу под стеклом отливает золотом кортик. Рядом с ним свадебное фото, на котором молодой курсант бережно обнимает задорную хохотушку.

«На четвертом курсе и поженились, – кивнув на фотографию, рассказывает Ира, – затем в девяносто седьмом Леночка родилась. После выпуска приехали в Видяево. Здесь с работой неважно, поэтому долго не могла найти работу, а потом ничего. Получили квартиру. Потихоньку стала налаживаться жизнь. Леша был, настоящий “пробитый” военный. Очень мечтал о предстоящей автономке. Он вообще очень любил флот. Даже свою форму гладить и чистить никогда мне не доверял. Все всегда делал сам. Меня вообще Леша всегда берег. Уходя на службу утром, старался не будить. Я провожала его до дверей только тогда, когда он уходил в море. В последний раз сказал, что уходит всего на три дня. Когда собирал вещи, положил себе в портфель фотографии мои и дочки. Сказал: “Буду в перерыве между вахтами на вас любоваться!” Так что и теперь там мы вместе с ним!»

Когда пришла страшная весть, Ира, как и все остальные жены ребят с «Курска», день и ночь проводила у телевизора, слушая новости о «своей» лодке.

«В какой-то момент я отошла на кухню, а дочь бежит ко мне и кричит: “А где сейчас мой папа?” – рассказывает Ирина Коробкова. – Я ей отвечаю: “Папа на работе!” А она мне: “А вот и нет, мой папа в телевизоре!” Я смотрю, и точно, по телевизору показывают видеосъемку нашего экипажа, и она Лешу узнала. А когда показывали титры с фамилиями наших ребят, то мы все сидели у телевизора, и как увидим “своего”, сразу в плач. Дочка рядом и тоже плачет вместе с нами, хотя никто ничего ей не говорил».

Уезжать из Видяево Ира пока не собирается. Здесь у нее дом, работа, здесь у нее друзья, которые никогда не оставят ее одну в горе. Здесь она всегда будет несравненно ближе к своему Леше, чем где-либо в другом месте...

* * *

Я листаю книги, любезно предоставленные мне семьей Александра Гудкова. На каждой из них авторские надписи. Вот «Российский патриотизм и пути его формирования», изданный кафедрой гуманитарных дисциплин Калининградского ВВМУ. Рукой автора написано «Александр Гудкову, хорошему курсанту и патриоту с пожеланием найти себя в сфере науки. С уважением автор». Вот книга «Подвиг “Тринадцатой”. Слава и трагедия подводника А. Маринеско» В. Геманова. На титульном листе рукой автора: «Сашеньке Гудкову – ученику моему и сотоварищу по службе и работе морской. С удовольствием и лучшими пожеланиями. В. Геманов». Еще книги и всюду добрые отеческие авторские пожелания. Скажу честно, такого мне еще видеть не доводилось. Курсант и профессора, вчерашний мальчишка и маститые писатели, причем все обращаются к нему на равных, все считают своим учеником и просят не бросать науку!

...Старший лейтенант Александр Гудков мечтал быть подводником с детства. Коренной калининградец, он не мыслил себя без моря и уже до поступления в Калининградское ВВМУ закончил Морской лицей при Балтийской госакадемии. Тяга к знаниям у него была удивительная. Помимо изученных в лицее английского и немецкого, в училище он принялся еще и за испанский. Реферат по истории флота стал серьезной научной работой и был опубликован во флотской газете.

Вспоминает преподаватель КВВМУ капитан 2-го ранга Вадим Островский: «Саша не кичился своими знаниями, но, если класс не был готов к занятиям, он первым шел отвечать. И показывал отличные знания. Я у него был куратором при написании дипломной работы, причем разрабатывать ее он начал на третьем курсе. Некоторые садятся за диплом лишь в начале пятого. Тему он подобрал соответствующую – “Комплекс обеспечения безопасности подводной лодки”. И блестяще ее отработал... Место службы выбрал сам – подводная лодка Северного флота. Вначале попал на “Даниил Московский”. В январе 2000 года добился перевода на “Курск”. Там возглавил группу радиоразведки. В последнем походе, я уверен, Саша выполнил свою задачу полностью и безошибочно: если объект был, то он его обнаружил и предупредил командование апл. За это я спокоен».

Доцент КВВМУ Ю. Зенков и вовсе считал Александра Гудкова одним из самых своих талантливых учеников: «Мое внимание Саша привлек, когда учился на втором курсе, проводилась конференция: “Образ военно-морского офицера в произведениях Валентина Пикуля”. Саша был ее активным участником. Я буквально вздрогнул, когда он процитировал из романа “Крейсера” строчки, на которые мало кто обратил внимание: “Именно в момент боя мы обязаны отдать Родине самих себя – до последней капли крови. И даже тот последний глоток соленой воды, что завершит нашу жизнь, мы должны принять от судьбы как наше святое причастие”. Сегодня думаю: не предчувствовал ли Саша свою судьбу?.. Уже на

пятом курсе он поступил на вечернее отделение юридического факультета КГУ. Блестяще сдал экзамены первого семестра. Однако обучение было платным, а платить было нечем: мама – учительница, отец – заводской конструктор... Учебу пришлось прекратить. Уверен, Александра ожидало большое будущее. Мысленно видел его человеком высокой науки. Ему было многое по плечу. Такие парни нужны везде. Но Александр выбрал подводный флот... А было ему всего 23 года!»

Из воспоминаний однокашника Александра Гудкова старшего лейтенанта Д. Фомина: «Саша вспоминается как простой, добрый и отзывчивый товарищ. Учился на “отлично” и окончил училище с красным дипломом. Это была светлая голова или, как у нас говорили, “череп”. В училище был активным участником всех научных конференций. Помогал товарищам не только в учебе, но и в курсантской жизни, часто подменял в нарядах, выручал в других сложных ситуациях. Интересовался подводными лодками. Ходил на игры футбольной команды “Балтика”. Любил все русское: литературу, архитектуру, искусство. Изучал языки. Прекрасно помню, как на самоподготовке, сделав быстро то, что было задано на занятиях, читал Достоевского, Пикуля...»

Вспоминает сестра Александра Гудкова Татьяна: «Саша рос очень красивым и любознательным ребенком. Очень рано, в три года, начал читать. В шесть самостоятельно изучать английский. В 5 лет задал вопрос родителям: “Чем отличается монархия от республики?” Знал все государства и их столицы. Учеба в школе давалась легко. Очень много читал. Особенно нравились Достоевский, Зоценко, Покровский, но самый любимый его писатель – Валентин Пикуль. Саша не мыслил себя без моря, без России. Знал и любил историю русского флота. Любил Север, Вологодскую область – родину родителей. Поэтому и распределение выбрал на Северный флот. Этот выбор был сделан еще на третьем курсе. Он очень серьезно готовил себя к службе на подводной лодке. Его любимым тостом всегда был: “За матушку-Россию!” А это слова его самой любимой песни Надежды Кадышевой:

Край ты мой любимый,
Край обыкновенный.
Знаю, есть на свете лучшие места!
Только сердце все же выбирает этот...

В училище, помимо английского языка, изучил немецкий и принялся за испанский. Увлекался музыкой. Прекрасно пел, играл на гитаре, на фортепиано прекрасно исполнял “Лунную сонату” Бетховена. Серьезно увлекался русской православной архитектурой и зодчеством. Каждый курсантский отпуск проходил по заранее составленным им маршрутам: то Золотое кольцо, то Вологодский край. Составлял большие альбомы с фотографиями всех православных храмов. Был внимательным и заботливым сыном, братом, дядей. Очень любил и уважал родителей. Считал, что они достойны лучшей жизни... В свой первый и последний отпуск с Севера Саша приезжал в апреле 2000 года. За месяц до этого принял должность командира радиоразведки на “Курске”. Был очень доволен, что попал на самую ходовую лодку. Трудно писать о Саше в прошедшем времени. Прошло уже больше полгода, а наша боль не утихает...»

Из воспоминаний отца Александра Валентина Александровича: «Когда приехал в августе в Видяево, в Доме офицеров встретился с командиром “Даниила Московского”, на котором первоначально служил Саша. Он, узнав, что я его отец, настолько был взволнован, что не мог скрыть своих слез. Говорил, что за все годы его службы ему первый раз попался специалист с таким уровнем подготовки, который за восемь месяцев своей службы на лодке оставил о себе самую добрую память... В начале апреля Саша, неожиданно для нас, приехал в свой первый и последний отпуск, который пролетел для всех нас, как одно мгнове-

ние. Уехал обратно он со своей невестой Наташей, которую повез показать Север. Последний раз Саша позвонил 5 августа. Коротко рассказал о делах. Обещал перезвонить через недельку. 12 августа у нас с женой почему-то не делались никакие домашние дела. Была какая-то тяжесть на сердце, мучила бессонница. А когда 14 августа по радио на работе услышал о «Курске», что-то оборвалось внутри... В Видяево вылетели с женой, Сашиной невестой, дочкой и двумя моими сестрами. Наверно, благодаря этому мы и выжили в те трагические дни. Когда зашли в Сашину квартиру, нашли во всем порядок. На веревке висела постиранная форменная рубашка. На диване лежала раскрытая книга «О предотвращении столкновений судов в море»... Нам бы очень хотелось написать книгу о Саше, и материала вроде бы достаточно и желание наше велико увековечить, таким образом, его светлую память». Пройдет несколько лет и такая книга будет написана.

Как знать, может быть, пройдет совсем немного времени и новое поколение наших моряков прочтет книгу о Саше Гудкове, блестящем офицере российского флота, героически погибшем на самом взлете своей жизни и службы.

* * *

Во время моего пребывания в Видяево один из офицеров штаба дивизии подводных лодок, подойдя, протянул мне несколько листов бумаги.

– Посмотрите! – сказал он. – Это написал Сережа Тылик!

Вечером в местной гостинице «Урица» я прочитал стихи. Написанные, быть может, не слишком профессионально, они были по-юношески искренни и честны. Одно из них особенно поразило меня. Вольно или невольно, но в нем автор буквально предугадал свою страшную судьбу...

Я уходил тогда надолго, а ты осталась на причале.
Но море синее и чайки навек с тобой нас повенчали.
Всем нам в жизни тяжело: ты на берегу, я – в море.
И осталось поделить меж девчонок горе.
Сколько их, любимых, не дождалось до конца
И домой им присылали горького гонца.
Лист бумаги черно-белой со значками в поле
И отныне поселилось в нашем доме горе.
Я ведь был таким красивым, молодым и сильным.
А пришел домой в гробу. Пахнуло холодом могильным.
И осталась ты вдовой в свои-то двадцать лет.
Лишь мерцает тусклым светом траурный портрет...

Знакомясь с биографией Сергея, я вспомнил судьбу другого поэта-подводника, и от этого сравнения невольно стало не по себе. В ноябре 1941 года на подводной лодке Балтийского флота Л-2 погиб лейтенант Алексей Лебедев. Как и Сергей Тылик, Алексей Лебедев тоже был штурманом. Ценил его талант, начальники предлагали Лебедеву остаться на берегу, но он был настоящим подводником и ушел в боевой поход. Незадолго до своей гибели Алексей Лебедев написал свое, пожалуй, самое знаменитое стихотворение:

... И если пенные объятья нас не отпустят в смертный час
И ты в конверте за печатью получишь весточку от нас,
Не плачь! Мы жили жизнью смелой, умели храбро умирать.
Ты на штабной бумаге белой об этом сможешь прочитать.

Переживи внезапный холод. Полгода замуж не спеши.
А я останусь вечно молод, там, в тайниках твоей души.
И если сын родится вскоре: ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога – море, моя могила и купель.

Как перекликаются эти строки с пророческими стихами Сергея Тылика, как схожи трагические судьбы двух поэтов-штурманов.

Сергей Тылик, как и старпом «Курска» Сергей Дудко, вырос в Видяево. Отец Николай Григорьевич – капитан 1-го ранга, старый подводник. В свое время служил вместе с заместителем командира «Курска» по воспитательной работе капитаном 2-го ранга Шубиным. После окончания училища подводного плавания Сергей снова в родном гарнизоне.

Из служебной характеристики старшего лейтенанта С.Н. Тылика: «Развито логическое мышление. Умеет и любит работать самостоятельно. Вежлив. Отзывчив. Настойчив в достижении поставленных целей. Способен отстаивать свою точку зрения. Любит ВМФ».

Да, он на самом деле любил флот и подводные лодки, среди которых прошло его детство, управлять которыми он учился в знаменитом Ленкоме и на борт одной из которых вступил после его окончания. Он о многом мечтал, ибо был романтиком, писал стихи о любви и море, о северных ветрах и женской верности, он о многом мечтал и очень многого так и не успел.

Рассказывает капитан 1-го ранга Сергей Ежов: «Сережу Тылика знал со дня его рождения. С его отцом мы много лет служили бок о бок и дружили. Сережа был большая умница. Всегда побеждал на всевозможных областных олимпиадах по физике и математике. Мог поступать в любой вуз, но выбрал флот. Очень порядочный, добрый и отзывчивый мальчик. В совершенстве владел компьютером. Сам составлял программы. Как истинный северянин любил ходить за грибами и рыбалку. Все время вижу перед собой его улыбающееся лицо и не могу представить его мертвым...»

* * *

С Женей Родионовой я познакомился в Видяево на поминальном вечере. Буквально через час мне надо было уезжать в Североморск. Договорились, что воспоминания о своем муже Мише она пришлет мне письмом. И вот, наконец, пришел толстый конверт сразу с несколькими письмами. Женя написала сама, написала Мишина сестра, написали его друзья. Они писали честно и безыскусно, писали так, как было, писали, как помнили. Наверное, никакой писатель не сможет так проникновенно рассказать о человеке, как те, кто его по-настоящему любил. А потому в рассказе о Михаиле Родионове я решил ничего не менять. Пусть о нем скажут прежде всего его близкие.

Сергей Фалеев написал письмо о друге и сослуживце в настоящем времени. Для него Миша просто ушел в море: «Михаил младше нас по выпуску на год. Вместе с ним мы служили четыре года. Службу любит и этого не скрывает. Аккуратен во всем. Придерживается принципа: “Занимая должность, нужно знать все, что входит в твои обязанности”. Поэтому изучает матчасть дотошно, иногда даже излишне. Постоянно стремится принимать решения исключительно самостоятельно, подчеркивая, что делает это на основе своих знаний. Если ошибается, то свое мнение, хоть и неохотно, но меняет. Но если чувствует свою правоту, то спорит до последнего, хоть с командиром. Очевидно, что хочет сделать карьеру офицера, в исключительно хорошем смысле этого слова. На “Курск” перевелся для приобретения опыта плавания в условиях боевой службы, который необходим для должности командира радиотехнической боевой части. Хорошо ориентируется в сложной обстановке. К друзьям и подчиненным требователен ровно настолько, как и к себе. Охотно помогает молодым сослу-

живцам в освоении матчасти. Недоволен, когда замечает пассивность и инертность. Хорошо воспитан. Это сразу же бросается в глаза...»

Я прекрасно помню Мишиного дедушку – капитана 1-го ранга Михаила Михайловича Четверякова, уважаемого всеми офицера-фронтовика, преподававшего в моем родном Киевском высшем военно-морском политическом училище. Мог ли когда-нибудь представить себе он, что сдающий ему очередной зачет старший курсант Шигин будет спустя двадцать лет писать книгу о его погибшем внуке? Мог ли подобное представить себе я, глядя на экзаменующего преподавателя? Как извилисты и необычны переплетения морских судеб, как узок и тесен наш флотский мир... Об отце Миши Родионова я тоже слышал давно. Будучи севастопольцем, я всегда переживал за судьбу родного города. А потому, когда украинские власти начали «приватизировать» севастопольские военно-морские училища, я, как и все российские офицеры, с болью следил за разворачивающейся трагедией. Именно капитан 1-го ранга Олег Родионов, кубанский казак и боевой комбриг, прошедший Анголу, Йемен и Египет, совершил поступок, который под силу только настоящему офицеру. Начальник первого факультета отказался переприсягать Украине и подчиняться новоявленным самостоятельным начальникам. Прибывшему киевскому генералу он сказал прямо в лицо:

– Кто вы такой для меня? Вы можете нацепить хоть погоны американского маршала, я вам не подчиняюсь! Я российский офицер!

Несмотря ни на что, он продолжал ходить на службу и командовать курсантами, кто остался верен России. Украинские власти уже уволили его со службы как «опасный элемент», а он все не мог бросить на произвол судьбы своих мальчишек, тех, кого учил быть людьми чести. И его мальчишки оставались преданными ему до конца. Даже тогда, когда новые начальники запретили пускать Родионова на территорию училища, они приходили вечерами к его дому и, стоя под балконом, хором кричали: «Олег Федорович! Мы с вами!» Дослуживал капитан 1-го ранга Родионов до своего увольнения в запас в оперативном управлении Черноморского флота. Мне невозможно даже представить, чтобы в такой семье сын не брал пример со своего отца! Родионову-младшему тоже пришлось нелегко. Мальчишек-патриотов травили и унижали, их провоцировали и отчисляли из училища, но они держались и верили, что нужны Родине и она их не бросит в беде. Доучивался Миша уже в училище имени Ленинского комсомола.

Из письма Жени Родионовой: «С Мишей мы познакомились летом на дискотеке в Севастополе, куда я пришла с девчонками. Потом долго бродили по городу, и Миша рассказывал о себе и о своей семье. В то время он учился в Ленинграде в училище подплава и был в отпуске у родителей. Потом мы стали встречаться, гуляли, ходили на пляж. Пришло время, и Миша уехал в училище. А зимой приехал и подарил мне плюшевого мишку. Сказал: “Это я тебе дарю себя!” В 1995 году он выпустился из училища, а я окончила школу. Опять разлука: Мишу направили в Видяево, я поступила в медучилище. А через год он забрал меня на Север. Сказал, что это проверка на прочность. Именно тогда я поняла, как правы те, кто говорит, что с милым рай и в шалаше. Хотя, честно говоря, у нас тогда и шалаша не было... Затем я вернулась домой. Вскоре Миша получил квартиру, которая была так запущена, что просто страх, сделал в ней ремонт. Руки у него были действительно золотые. Прошел еще год. Миша приехал в отпуск и сделал мне предложение. Свадьбу хотели сделать красивую, но отсутствие денег помешало. Мишины родители хотели помочь, но он отказался. Все хотел делать сам. Пришлось просто расписаться...»

Расписывали Мишу с Женей там же, в Видяево. Счастливые, они возложили цветы к памятнику погибшим в океане подводникам. Разве могли они тогда представить, что судьбой им даровано всего каких-то неполных два года совместной жизни, что придет время и уже одна Женя будет возлагать цветы к обелиску, поставленному в честь Миши и его товарищей.

«...Наступил день, когда я сказала Мише, что у нас будет маленький. От этой новости он был на “седьмом небе” и просто светился от радости. Самое главное, что он очень старался отгородить меня от всех неприятностей и забот. Так уж получилось, что долго пришлось лежать в больнице в Мурманске. Но каждые выходные я видела под окнами своего любимого мужа. Он очень переживал, хотя виду не показывал. Когда родился сын, мы его назвали Олегом в честь Мишиного отца. Перед моей выпиской к нему домой пришли друзья, устроили настоящий аврал, навели стерильный порядок, собрали кроватку. Когда он меня встречал из роддома, взял на руки Олега и сказал многозначительно: “Я чувствую его вес!” Ах, какие мы были счастливые! И хотя я знала, что вырастить ребенка не просто, я знала и то, что я за каменной стеной, рядом со мной любовь, забота и полное понимание. Именно таким был мой Миша. Сколько раз, давая мне поспать, он по ночам вставал к Олежке (он звал его “наш чупа-чупс”)! Дома у нас большая аудиотека, и Миша очень серьезно занимался “музыкальным воспитанием” сына, едва тот начал вставать в кроватке. Когда Олег подрос, они уже все ремонтировали дома вместе со своим папой. Разложат инструменты и возьмется. Наши друзья Мише так и говорили: “Родионов, у тебя и ребенок родился, наверное, с отверткой”. Все у нас было в строю: кипятильник кипятил, машинка шила, а часы отсчитывали время. Разве знала я тогда, что его осталось у нас уже так мало! Если бы только можно было его тогда остановить... В апреле 2000-го Мише дали отпуск, и мы всей семьей поехали в Севастополь к родным. Потом Миша поехал в Видяево, а мы еще остались погреться на солнышке. Провожали мы его всей семьей. Последний раз он позвонил нам 8 августа. Обычно Миша всегда был веселым и общительным, а на этот раз больше молчал, а прощаясь, сказал: “Я без вас очень устал!” Говорят, что перед выходом в море он зашел в магазин и сказал нашей общей знакомой: “Иду в море делать карьеру, ведь у меня растет сын!” Это были его последние слова, о которых мне рассказали. 14 августа мы с сыном и родителями были на пляже. В новостях передали об аварии на подводной лодке “Курск”. Я этого сообщения не слышала. Родители Миши у меня уточнили, на какой лодке вышел в море Миша. Я сказала, что на “Курске”. “Курск” затонул!” – сказал кто-то из них. Я сначала не поверила, но когда сама услышала новости, меня просто ловили по пляжу. У меня была истерика. Потом долгие дни возле телевизора. Но с каждым днем сообщения были все более малоутешительными. 16 августа я вылетела в Видяево. Олежку оставила с родителями. Что было дальше в Видяево, я просто не помню. Когда не стало моего самого любимого человека, солнце померкло и жизнь остановилась. Прошло время, но легче так и не стало. Просто я начала осознавать, что у меня осталась частичка моего Мишеньки. Сейчас мы с Олежкой живем в Видяево. Я постараюсь вырастить его достойным своего отца».

* * *

На пульте управления ядерной энергетической установкой АПРК «Воронеж» собрались офицеры. Мы беседуем. Вначале все несколько стесняются откровенничать, но затем, поправляя и подсказывая один другому, начинают рассказывать о своих друзьях с «Курска»: «Капитан-лейтенант Леша Шевчук был у нас очень соображающим в радиоэлектронике. Наверно, больше всего иного на свете он любил паять и что-то ремонтировать. Одно слово – труженик. Даже в памяти остался именно с паяльником в руке.

Старший лейтенант Андрей Панарин – этот упрямый был, до всего хотел дойти сам, все узнать до последней мелочи. По характеру сдержанный и очень спокойный. Расскажешь ему один раз, он выслушает и говорит: “Повтори еще разок, но только поподробней!” За год службы все знал в совершенстве. По маме у него немецкие корни, но сам он родом из-под Ташкента.

Старший лейтенант Сережа Узкий был настоящий сорви-голова, непоседа и очень смелый парень. Никого и ничего не боялся. Никогда не любил сидеть дома. Все время в компаниях, все время вокруг куча друзей. Едва на корабль пришел, сразу заявил своему командиру боевой части: “Вы, пожалуйста, присматривайте себе где-нибудь другую должность, а то мне скоро придется идти на ваше место!” У того так челюсть и отвисла. А так как слово с делом у него не расходилось, за дело он взялся как надо. Четыре раза объявлялся лучшим на флоте по целеуказанию. Сколько раз ни ездил на флот сдавать зачеты, всегда только на “отлично”. По этому поводу говорил так: “То, что адмиралом я буду, так это совершенно точно, пока только должность для себя не определил, вот опять в штаб флота ездил, все место себе присматриваю!” Свой второй отсек знал назубок, не подкопаешься! Если бы не погиб, точно рано или поздно, но адмиралом бы стал!

Капитан-лейтенант Виталий Солорев был всегда немного суетлив. У него всегда находились какие-то срочные и сверхсрочные дела. Ни у кого нет, а у него полным-полно! В службе всегда перестраховывался, все боялся, чтобы по его вине что-то не случилось. Лишнего болтать не любил. Каждое слово говорил по делу. Очень ответственный и дотошный. К службе относился очень серьезно. Всегда очень громко кричал в “Лиственницу”, когда дежурил по кораблю, так, что все, кто спал, обязательно просыпались. Закончил кораблестроительный факультет. В плавсостав попросился сам.

Капитан-лейтенант Сережа Кокурин был очень спокойным и веселым. Севастополец и из потомственных моряков. Отец капитан 1-го ранга запаса. До училища успел поработать на заводе. Учился в “Голландии”, но отказался присягать Украине и доучивался уже в Дзержинке. Все брал знаниями. Конспектов у него было целое море, наверное, на все случаи жизни. Когда он их только успевал писать? Расписано там было все до мелочей, самая настоящая энциклопедия. Некоторые посмеивались над дотошностью, но как приспичит, все к Сереге: “Дай глянуть!” Он парень добрый, всем разрешал пользоваться.

Мичман Андрей Полянский – мичман с нашего экипажа, из кубанских казаков. Так и не успел увидеть родившегося сына. Всегда громко смеялся. Очень увлекался рыбалкой, ну а рассказывать, как все рыбаки, мог о ней бесконечно.

Старший мичман Володя Свечкарев очень любил свое дело. Все у него всегда было исправно. Настоящий мастер военного дела. Лучше всех в дивизии знал азбуку Морзе. По этому поводу, любил говорить: “Если что-то в море случится, берегите меня!” Прошел две боевые службы. Начальство его очень ценило. За профессионализм постоянно награждали грамотами и ценными подарками.

Капитан 3-го ранга Николай Белозеров. Мы его звали Кузнечик, так как раньше служил на “Адмирале Кузнецове”, затем еще и на “Адмирале Нахимове”. Дело свое знал. По знаниям, возрасту и опыту службы должен был бы быть уже командиром БЧ-5, но не было места, и служил командиром электротехнической группы. Был допущен к командованию дивизионом. Но зазнайства никакого не было, всегда со всеми на равных. Очень обаятельный человек.

Старший лейтенант Максим Рванин был очень скромным и тихим парнем. Сам из поморов из Архангельска. Из потомственных моряков. Отец всю жизнь проплавал в местном пароходстве. Обошел весь мир. Максим тоже в море рвался. Увлекался английским. Дело свое знал. Но очень многого просто не успел сделать, судьба не дала времени.

Старший мичман Иван Цымбал – это наш сказочник. Не поймешь, когда выдумывает, когда правду говорит. В свое время служил матросом на “Адмирале Кузнецове” и все нам о нем рассказывал.

Старший лейтенант Леша Митяев высокий такой, худой. Родом из Петербурга. Рос на Дальнем Востоке. Потомственный моряк. Немного замкнут. Очень упорный. Все ходил и учил, учил, учил. Очень хотел плавать. Раньше служил на “Данииле Московском”. Пришел

к Лячину и попросился в экипаж. Тут надо в море идти, а у него отпуск, говорит: “Пойду вместо отпуска!”

Капитан-лейтенант Андрей Васильев пришел к нам из Западной Лицы. Был очень жизнерадостным. В море, бывало, сядет на место комдива и начинает рассказывать приключения из своей питерской жизни, сколько ни рассказывал, все время что-то новое. Постоянно напевал песни.

Капитан-лейтенант Миша Родионов – это наши “золотые руки”. Умел делать абсолютно все. За что ни брался, все в его руках горело. Дома сам сделал настоящий евроремонт. Из потомственных моряков. Очень отзывчивый. Всегда подойдет, спросит: “Тебе помочь? Давай помогу!” По специальности был очень грамотный.

Капитан-лейтенант Боря Гелетин. Всегда о самых смешных вещах говорил с совершенно серьезным видом. Вроде серьезно говорит, а мы животы надрываем. Любил дружески подначить. После боевой службы получил повышение. Поначалу было нелегко. Пришлось всему учиться самому. Было тяжело, но он справился. Хороший специалист. Настоящий ракетчик. Один раз с ним поспорили, что он за десять секунд пробежит половину лодки и откроет все клапана в своем заведовании. Так он и добежал, и открыл. Спец был что надо! В начале лета у Бориса случилось большое несчастье с сыном. Мы все очень переживали за него. Говорили: “Боря, держись!” И он держался.

Мичман Сергей Кислинский был тоже настоящим суперспецом. Таких специалистов по обслуживанию ракетного комплекса мы вообще больше не встречали. На “Курске” с матросов. Всю свою боевую часть знал наизусть, мог с закрытыми глазами все разобрать и собрать. Бывало, кто-то что-то забудет. Он сразу: “Что у вас?” Выслушает и, не глядя на технику ни в документацию, тут же говорит, что и как следует делать. Не было случая, чтобы он в чем-то ошибся!»

* * *

Каюсь, но вначале эту маленькую и хрупкую девочку я принял за дочь кого-то из членов экипажа. Так я познакомился со Светланой – вдовой начальника химической службы «Курска» Вячеслава Безсокирного. Мы разговорились прямо в коридоре местного Дома офицеров. Родом Света из Севастополя, а потому и познакомилась со своим будущим мужем, как и большинство севастопольских девчонок, в училище на танцах. Через год к этому времени Слава имел уже четыре «галки» на левом рукаве, сыграли свадьбу. Затем было рождение сына Димы и назначение на Северный флот.

– Вначале Славу назначили в экипаж строящейся лодки «Белгород», а потому мы два года провели в Обнинске, где экипаж учился в учебном центре, – рассказывает мне Светлана. – В Видяево мы уже год. Когда достраивать «Белгород» перестали, Славу перевели на «Воронеж». Затем уже на «Курск». На нем он ходил в первую автономку в Средиземное море, мечтал о второй...

Не все в жизни у этого тридцатилетнего офицера было так просто. До «Голландии» (так в нашем ВМФ между собой всегда именовали Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище) Слава успел закончить техникум. В недоброй памяти девяносто третьем отказался принимать украинскую присягу и был за это отчислен как «неблагонадежный». Затем удалось восстановиться в инженерном училище имени Ленина, что в Пушкине, и уже там получить в руки столь долгожданный офицерский кортик.

Из выпускной характеристики В.А. Безсокирного: «Способности к обучению хорошие, учился на “4” и “5”. Неоднократно объявлялся отличником учебы. Знания по специальности твердые. Умело сочетает теорию и практику. Общительный, любознательный,

жизнерадостный, доброжелательный, настойчив, тактичен. Обладает широким кругозором. Добросовестен. При любых обстоятельствах не теряет работоспособности».

Листаю личное дело начальника химической службы. Вот и самая последняя аттестация, и там не отмечено ни одного недостатка! «Инициативен, постоянно совершенствует знания по специальности. Свои обязанности по заведованию исполняет образцово. Требователен к себе и подчиненным. Авторитетен...»

Вячеслав Безсокирный родом из Сумской области, из небольшого городка, почти деревни, с романтическим названием Ворожба. Обычная рабочая семья. Отец всю жизнь проработал на железной дороге в вагонном депо, мама – дежурной по станции. А потому, когда приезжал с женой к себе домой, то половина отпуска проходила в походах по гостям. Родные и знакомые гордились земляком – морским офицером. Но, разумеется, больше всех гордилась его мама Галина Алексеевна. Как ни странно, но деревенская хватка Славы очень помогла им со Светой в Видяево. Когда начались постоянные многомесячные задержки с зарплатой, начальник химической службы атомохода брал в свои несчастные выходные в руки ружье и удочку и уходил в сопки. Прекрасный охотник и рыболов, он таким образом кормил не только свою семью, но и семьи своих друзей. А потому в семье Безсокирных порой питались сверхдефицитными на Большой земле крабами, но не имели и куска хлеба.

Естественно, мы говорили со Светой о ее с сыном будущем. Что ждет эту хрупкую женщину в нашем нынешнем беспощадном мире?

– Я не знаю, что меня теперь ждет, – честно призналась Света. – За Славой я всегда была как за каменной стеной. Он всегда сам решал все «большие» дела, и как теперь мне все это делать одной, ума не приложу. Думаю просить жилье в Белгороде. Все же Слава был в составе именно белгородского экипажа. Там живет сейчас и его первый командир. Обещали помочь и с жильем, и с работой. У меня к тому же еще украинское гражданство. Так что проблем хватает. Но это все как-нибудь образуется. Самое страшное, что я больше никогда не увижу Славу...

* * *

Каждая семья – это своя неповторимая романтическая история любви, история жизни. Но все же история отношений Сережи и Наташи Ерахтиных, наверно, самая трогательная и необычная.

Они познакомились совершенно случайно, когда подружка уговорила Наташу сходить на дискотеку в военно-морское училище. Уговаривала она ее давно, но Наташа всякий раз отказывалась. Дело в том, что Наташа с детства плохо слышит, а потому всегда была вынуждена пользоваться слуховым аппаратом. Поэтому танцевальных вечеров избегала, а в тот раз почему-то, неожиданно для самой себя, согласилась. Там, на вечере, ее увидел Сергей, увидел и влюбился. После вечера Наташа убежала от него, не оставив адреса. Может, потому, что не поверила в искренность чувств решительного курсанта, может, потому, что боялась признаться самой себе в том, что он ей тоже понравился. Однако для любящего сердца не бывает преград, и Сергей нашел адрес девушки по Интернету. В первое же увольнение он был с букетом цветов на пороге ее дома. У Наташи был к этому времени уже знакомый парень, но курсант не оставил ему никаких шансов. Затем был год встреч, предложение и свадьба. Родители сделали молодоженам подарок – парную путевку в Сочи. До сих пор тот месяц Наташа вспоминает как самые сказочные дни своей такой недолгой совместной жизни.

Мы сидим с Наташей на кухне ее маленькой видяевской квартирки. Рядом крутится маленькая Кристинка. Наташин папа, боевой офицер, полковник, приехавший поддержать дочь в трудную минуту, стирает в ванной внучкины пеленки.

– У нас была настоящая удивительная любовь! – говорит мне Наташа. – Сережка был как вихрь! Мы оба были заядлые романтики. Он так гордился мной и нисколько не стеснялся, что я плохо слышу! Я была самая-самая счастливая. Когда мы гуляли, он ходил со мной под руку с гордо поднятой головой. Я его называла «мои ушки». Очень ухаживал за Кристиной. Когда ночевал дома, всегда вставал к дочке ночью, когда я спала и не слышала ее плача.

Сережа был потомственным моряком. Его отец мичманом прослужил много лет в Видяево. До этого прошел Германию и Чернобыль. Здесь, в Видяево, остался жить и после выхода в отставку. С детства Сергей увлекался электроникой. Именно она была главным смыслом его жизни. Судьба порой преподносит столь невероятные повороты, что их невозможно придумать самые изощренные писательские умы. Так получилось и у Сергея. Дело в том, что информатику ему в видяевской школе преподавала Ирина Лячина, супруга его будущего командира. Именно она и вложила в душу мальчишки любовь к компьютерам, помогла найти свой путь в жизни. А потому, когда стал вопрос о выборе места службы, для Сергея и Наташи вариантов не было: только в Видяево!

Они жили друг другом и вместе стойко переносили все невзгоды. Когда не выплачивали деньги и они голодали, Сергей все равно умудрялся радовать Наташу то кем-то подаренным ему яблоком, то конфетой. С полочки (большая часть которой сразу же уходила на долги) он обязательно покупал ей большую шоколадку с орехами. Это было для обоих неслыханным мотовством, а потому шоколад они ели по кусочку за чаем, растягивая удовольствие на два-три вечера.

Сейчас кухня и коридор квартиры Ерахтиных чуть ли не до потолка завалены мешками и ящиками с гуманитарной помощью.

– Вот сколько теперь попривозили, – говорит Наташа, показывая рукой на продуктовые завалы. – А я даже есть не могу, как подумаю, что все это плата за его жизнь. Зачем нам все это сейчас, когда его нет! Раньше надо было!

В выпускном курсантском альбоме Сергея Ерахтина записано: «Серега! Ты классный парень, таким и оставайся!» Жене и друзьям он всегда говорил, что мечтает стать адмиралом. Что ж, если каждый солдат носит в ранце маршальский жезл, то почему старшему лейтенанту не носить адмиральский?

Один из лучших друзей Сергея по училищу был Андрей Гречиха. По окончании училища он попал на Камчатку. Будучи в отпуске в Петербурге, друзья встретились. У Сергея отпуск только начинался, а у Андрея уже кончался. И тогда он, плюнув на все, остался еще на несколько дней, чтобы побыть с другом. Как знать, может, было у него какое-то предчувствие, что эта их встреча последняя? Потом Андрей писал Ерахтиным, что за опоздание из отпуска его строго наказали. Что ж, если эти строки прочитают командиры старшего лейтенанта Андрея Гречихи, пусть простят они ему тот невольный грех. Ведь тогда он просто исполнил свой долг друга.

Двухлетняя Кристина, кокетничая, крутится перед нами, затем одевает себе на голову мою фуражку. Говорит нам:

– Папа! Папа!

В горле сразу ком. Мы разом замолкаем. Наташин папа закрывает лицо рукой и быстро уходит на балкон. Наташа, сдерживая слезы, забирает у дочери фуражку.

– Это не папина! Это дядина! – говорит она.

В то их последнее утро Сергей выглядел как-то странно. Он долго стоял у кровати спящей дочери, словно стараясь навеки запомнить ее черты. А выйдя из квартиры, снова вдруг постучал в дверь. Наташа открыла.

– Ты что-нибудь забыл? – спросила она.

– Нет, просто хотел посмотреть на тебя еще раз! – ответил он.

– Двенадцатого августа мы пошли с девочками за грибами. Я ничего не чувствовала. Вернулись. Вижу, к нам идет свекровь и лицо какое-то, как маска, – рассказывает Наташа. – Она-то мне и сказала, что наша лодка затонула. Мы все плакали. Сережина младшая сестра повторяла: «Как же я теперь жить буду без своего братика?» Она его тоже очень любила. Мы все дни так ждали, так надеялись на чудо. Сердце отказывалось верить в плохое. Я уверена, что Сережа был в кормовом отсеке. Приехала моя мама и говорит, что одна гадалка ей сказала, будто Сережа жив. Ей показали фотографию. Она на нее посмотрела и говорит: «Не могу понять, где этот человек! На земле его нет, в воздухе его нет и под землей тоже! Но он жив!» Я и сейчас верю, что он жив. Но у него так мало кислорода и ему так тяжело!

Как и все остальные жены ребят с «Курска», Наташа так и не передела обручальное кольцо на другую руку.

– Я никуда не уеду из Видяево, пока не поднимут Сережу! – делится она своими сокровенными мыслями. – Что у меня теперь осталось в жизни – Кристина да еще, может быть, Сережина могилка!

* * *

Как и Сергей Ерахтин, капитан-лейтенант Алексей Шевчук из коренных северян. Родился в Западной Лице, где в то время служил отец. В первый класс пошел уже в Видяево. После школы поступил в Каспийское военно-морское училище. После распада Советского Союза и закрытия училища перевелся в училище подводного плавания. После окончания вернулся в родное Видяево на атомоходы. Жениться Алексей так и не успел. Все некогда было...

Из служебной характеристики на командира группы управления ракетной боевой частью капитан-лейтенанта А.В. Шевчука: «По характеру уравновешен и спокоен. Специальность освоил хорошо. На замечания старших реагирует правильно. В коллективе пользуется заслуженным авторитетом».

Отец Алексея, капитан 2-го ранга в запасе Владимир Николаевич, после окончания службы остался в Видяево. Любовь к морю оказалась сильнее привязанности к земле, а потому стал бывший подводник капитаном портового буксира. Одного из тех, что помогают подходить и отходить от причалов неповоротливым огромным атомоходам. В тот недобрый день 10 августа Владимир Николаевич на своем буксире, как всегда, выводил в море очередную подводную лодку. На этот раз это был «Курск», на борту которого находился его сын. О чем думал тогда отец? О чем думал сын? Знал бы Владимир Николаевич, в какую безвозвратную даль провожает он своего Алешу. Увы, никому из нас не дано предугадать свое будущее...

* * *

Родители Дениса Пшеничникова живут в Камышевой бухте, в Севастополе. Коренные севастопольцы. Дед Дениса воевал на торпедных катерах Черноморского флота. Прошел, как говорится, огонь и воду. Отец Станислав Михайлович тоже всю жизнь в море. Уже не один десяток лет плавает на рыболовецких судах старшим электромехаником. Мы сидим дома у родителей Дениса, и из окна виден кусочек моря. Рассказывает мама Дениса Наталья Ивановна: «Своим сыном я всегда гордилась. Учился хорошо. Серьезно занимался в спортивной школе дзюдо, много читал. Особенно любил клеить из пластмассы модели кораблей. Это увлечение у него осталось на всю жизнь. Даже в Видяево осталось много его моделей. Одно время, когда долго не платили зарплаты и нечем было кормить семью, хотел было

увольняться, но куда с его специальностью пойдешь? Разве что только мотористом. Потом все образовалось. Вошел во вкус службы и уже ничего не хотел, кроме нее».

Как и многие его сверстники, Денис прошел свою первую проверку на зрелость еще в училище во время дележа Черноморского флота. Отказавшись изменять раз и навсегда данной на верность Отечеству присяге, он был вынужден доучиваться уже в Петербурге. По окончании училища попал на Северный флот и получил назначение на строящийся АПРК «Белгород». Год отучился в учебном центре в Обнинске. Но «Белгород» так и не достроили. Экипаж расформировали, и Денис попал в Видяево, вначале в 150-й экипаж, а затем его друг и товарищ Андрей Силогава помог в январе 2000 года перевестись на «Курск». Готовился к своей первой в жизни автономке. 9 августа позвонил домой. Сказал, что «сбегает» на три дня в море на отработку, просил, чтобы не волновались, так как у него все нормально.

О трагедии Наталья Ивановна узнала 14 августа из телевизионных новостей. При первой же возможности вылетела на север. Уже в Видяево, вспоминает, боялась включать телевизор, ведь прошло слишком много времени, чтобы можно было на что-то надеяться. Станислав Михайлович в это время ловил рыбу на зафрахтованном траулере «Намибийская звезда» неподалеку от Кейптауна. Об аварии лодки сына узнал из новостей Би-би-си.

– Как услышал название «Курск», так сразу же во мне все опустилось. Позвонил домой. Все подтвердилось, – рассказывает Станислав Михайлович. – Предлагали отправить, но когда прикинули время и расстояние, то понял, что никак не успею. Моряки есть моряки, где бы они ни служили, поэтому ребята мне каждый день доставали интернетовские распечатки по «Курску». Я их раз по десять перечитывал, тем и жил...

В квартире Пшеничниковых сейчас прочно обосновалась тишина – это давит тяжесть невозполнимой утраты. На стене комнаты, где мы сидим, портрет Дениса. На полке – фуражка, кортик и капсула с водой Баренцева моря, взятой на месте гибели «Курска». Но когда в гости приходит трехлетний сын Дениса, как две капли воды похожий на своего отца, одевая отцовскую фуражку, он беззаботно бегаёт по комнатам, думая, что папа просто ушел в долгий-долгий поход.

* * *

Офицеры с соседнего АПРК «Воронеж» рассказывают и рассказывают о своих товарищах и друзьях. Их рассказ порой сумбурен, но искренен и честен.

Командир дивизиона движения Дмитрий Мурачев запомнился всем требовательностью, принципиальностью и превосходным знанием своего дела. Его дивизион был самым дружным на корабле. Все офицеры как один рвались в море на боевую службу. Не ради денег, ради службы!

Капитан 3-го ранга Мурачев, как и командир электромеханической боевой части, был человеком обстоятельным. Приходит, к примеру, лейтенант на «Курск», идет сдавать к нему зачеты. Мурачев два вопроса задал, ответа нет. Он бедолагу не гонит, а начинает все объяснять. Когда объяснит, заставляет тут же все повторить вслух. Пока не добьется, что материал усвоен, не успокоится.

Уже позднее рассказ о Диме Мурачеве дополнил мне и его бывший командир капитан 1-го ранга Сергей Ежов: «Дима пришел ко мне в экипаж лейтенантом. Командовал девятым отсеком. Сам коренной видяевец. Отец его был флагманским химиком на эскадре. Был отличный служака и очень болел за дело. По характеру этакий “упертый мужичок”, чего бы ни стоило, но своего добьется. Помню, приняли мы у первого экипажа “Воронеж”, а девятый отсек запущен донельзя. Так через несколько дней отсек уже сверкал так, что и узнать нельзя было. Все подчиненные у Димы всегда были заняты делом: что-то изучали, чистили, убрали, да и сам он никогда без дела не сидел».

Командир Второй группы дистанционного управления капитан-лейтенант Сергей Любушкин запомнился всем как большой и добрый человек. Как и все большие люди, был очень спокойным, сходилась практически со всеми и практически со всеми дружил.

А вот командир Первой группы дистанционного управления, капитан-лейтенант Денис Пшеничников, до перевода на «Курск» служил на «Воронеже». На «Курск» был откомандирован на боевую службу, да так и остался. По натуре был очень общительным. С удовольствием шефствовал над лейтенантами, был им как нянька. В экипаже его так и звали – «господин лейтенантский учитель».

Командир трюмной группы дивизиона движения капитан-лейтенант Рашид Аряпов был одновременно командиром 6-го отсека и очень обстоятельным, серьезным человеком. Даже к себе был требователен до самокритики. Пять лет проплавал на лодках, и никто не видел, чтобы он когда-либо расслабился. Всегда предельно собран и серьезен.

В противоположность ему командир турбинной группы капитан-лейтенант Дима Колесников, командовавший на «Курске» одновременно и своим 7-м турбинным отсеком, наоборот, был очень веселым и непоседливым человеком. Но специальность свою знал, дай бог! Друзья его звали Золотой за рыжий цвет волос. Вокруг Колесникова всегда были люди, всегда стоял хохот. Ко всему он был очень начитанный. Почему-то мечтал сходить обязательно пять автономок, а потом когда-нибудь съездить отдохнуть на Средиземное море и посмотреть на него, что называется, «сверху».

Летом 2000 года из училища выпустился младший брат Димы. Разумеется, он попросился туда же, где служил старший. В дивизии получил назначение на «Нижний Новгород». Братья успели встретиться в Видяево буквально на несколько дней. О многом даже не успели переговорить. Старший уходил в море на учение. Договорились сесть и обо всем поговорить сразу же после возвращения старшего... А еще у Димы осталась молодая жена, с которой он успел прожить всего лишь три месяца. Именно Дима Колесников возглавит оставшихся в живых в девятом отсеке. Именно он станет, по существу, последним командиром «Курска», вернее его последних кормовых отсеков. Именно у него в кармане найдут записку, которая так поможет в выяснении обстоятельств катастрофы. Именно он напишет в своей записке слова, которые стали последними словами прощания экипажа ко всем оставшимся на земле: «Не надо отчаиваться!..»

Сергей Саделенко, являвшийся инженером 1-й группы дистанционного управления, остался в памяти товарищей как человек, который никогда ни на кого не обижался. С его лица никогда не сходила улыбка. В свое время он поразил начальников сверхбыстрой сдачей на допуск к самостоятельному управлению своим заведением. Вместо положенного полугода управился всего за каких-то два месяца. Даже на боевой службе не ходил смотреть видеофильмы, а конспектировал в это время инструкции и руководящие документы. С боевой службы привез целую кипу тетрадей.

Старший лейтенант Саша Бражкин являлся инженером 2-й группы дистанционного управления и командовал кормовым 9-м отсеком. Как и Денис Пшеничников, он раньше служил на «Воронеже», а перед боевой службой ушел на «Курск». Сослуживцам Денис запомнился своей безотказностью, необидчивостью и потрясающим трудолюбием, когда мог ночи напролет сидеть за изучением материальной части.

Что касается командира электротехнического дивизиона капитана 3-го ранга Ильи Щавинского, то едва речь зашла о нем, как все собравшиеся сразу же сказали:

– Илья – это все!

Капитан 3-го ранга Щавинский, как и все в экипаже «Курска», прекрасно знал свое дело. За это за глаза его так и именовали – «наш суперспец». Товарищи же звали его ласково Ильюшей. Воспитанник Нахимовского училища, он отличался особым тактом и никогда не позволял себе грубостей как по отношению к начальникам, так и к подчиненным. Понятие

офицерской чести было для него основополагающим. При этом Илья Щавинский был по жизни чрезвычайно остроумным и веселым человеком, что называется, душа любой компании. Он мог сутками, не переставая, травить флотские байки, да так, что никто не мог понять, где кончается правда и где начинается вымысел. На все случаи жизни и службы у него всегда была наготове новая потрясающая история. Где был Щавинский, там всегда был смех и хорошее настроение. А как он рассказывал о своей жизни! Впечатление у всех было такое, что вся жизнь Ильи Щавинского было сплошной чередой самых невероятных приключений. В свободное от службы время командир электротехнического дивизиона любил поесть, а потому его часто можно было увидеть у камбуза. Там Щавинский сходил в словесном противоборстве с коком-инструктором Анатолием Николаевичем Беляевым, который всегда выносил своему оппоненту добавку, и тогда уж от их шуток и прибауток, казалось, сотрясался весь корабль. Как и Беляев, Щавинский серьезно увлекался музыкой, прекрасно играл на электрогитаре, сам сочинял песни и сам их исполнял. Во время боевой службы они вдвоем с Николаевичем подготовили и дали несколько концертов. Как говорят ребята, после возвращения Илья сообщил всем, что они с Беляевым прибыли с международных гастролей по Средиземноморью... Что ж, если принять во внимание панику в 6-м американском флоте, то следовало признать, что гастроли удалась на славу!

Кто-то из сидевших рядом офицеров сказал мне в заключение нашего разговора об Илье Щавинском так:

– Если он какое-то время еще был жив, то он до самого конца поддерживал тех, кто был рядом с ним, вселял в них уверенность и делом и словом.

Уже позднее, в Москве, я спросил о Щавинском у его бывшего командира капитана 1-го ранга Ежова. При упоминании фамилии Щавинского Сергей Николаевич сразу же улыбнулся:

– Илья был из потомственных моряков. Дед вице-адмирал, отец – капитан 1-го ранга. Сам Илья никогда не кичился родственниками, а вкалывал за двоих. Был очень добросовестен и свои электротехнические дела знал просто великолепно. Илья был всегда чрезвычайно увлечен музыкой. Профессионально играл на гитаре, сам сочинял песни и пел их в кругу друзей. Одно слово – душа экипажа! Был самым настоящим фанатиком-меломаном. Собрал уникальную коллекцию записей всех отечественных рок-групп чуть ли не с пятидесятых годов. А как электрик был просто великолепный! Когда мы прибыли в Видяево и нам дали полуразграбленную казарму, то он без всяких напоминаний привел там в порядок все электричество. У кого из ребят дома были неполадки со светом, все звали Илью. Он никому не отказывал в помощи. Вокруг Ильи была всегда своеобразная аура веселья. В его дивизионе вообще все всегда делалось как-то легко и весело, будто играючи. После моего ухода Гена Лячин его к себе забрал, знал, что Илья никогда не подведет.

* * *

Мама командира группы космической связи старшего лейтенанта Сергея Фитерера Татьяна Ивановна приехала в Видяево из Калининграда. Судьба отнеслась к семье Фитереров слишком жестоко. Несколько лет назад, во время боевых действий в Таджикистане, погиб отец Сергея Геннадий Дмитриевич. Он был старшим офицером оперативного отдела знаменитой 201-й дивизии миротворческих сил, той самой, что сейчас защищает Россию на восточных границах. И вот теперь новая беда...

Я листал личное дело Сергея. В общем-то там и листать было особо нечего, личное дело было очень тонкое, ведь служба у недавнего выпускника Калининградского военноморского училища еще только-только начиналась.

Из выпускной характеристики: «Быстро ориентируется в сложной обстановке. Умело обучает и воспитывает подчиненных, проявляя о них заботу. Склонен к командирской работе. Командирские навыки и волевые качества хорошие. Способен взять ответственность на себя. На критику реагирует правильно. К делу подходит творчески и инициативно. По характеру спокоен, уравновешен. Эрудирован. Воспитан. В коллективе авторитетен. Со всеми поддерживает ровные взаимоотношения».

Говорят, что Татьяна Ивановна очень сожалеет, что Сережа так и не успел жениться и не оставил ей внука, чтобы продолжился род воителей Фитереров, верой и правдой служивших Родине. Увы, теперь в их семье остались лишь две женщины: мать Галина Ивановна да Сережина младшая сестра Наташа. Мужчины же сложили свои головы за Отечество. Отец погиб на восточных рубежах в горах, сын на западных, в океанской пучине. Таково зловещее знамение нашего времени.

* * *

Почти вся недолгая жизнь Дениса Кириченко прошла по гарнизонам Северного флота. Пахнувшая кораблем отцовская шинель, походы в тундру за грибами, ревуны подводных лодок, занесенные снегом дома – все это приметы его детства. Однажды осенью вместе с друзьями ушел в тундру за грибами. Час шел за часом, а Дениса все не было. Всполошились родители, откликнулись соседи. Поиск пропавших детей организовывали со всей серьезностью, с фонарями и сигнальными кострами. Пропавших нашли глубокой ночью. Как оказалось, мальчишки, заблудившись, не растерялись, а устроились на ночевку, чтобы утром отыскать дорогу домой. Чем увлекался будущий офицер «Курска»? Увлекался автомобилем, который учился водить под руководством отца, в десятом классе сдал на права. В школе больше всего любил физику и математику, что, видимо, во многом и предопределило выбор будущей специальности. Любил спорт: акробатику, дзюдо, лыжи.

Вспоминают родители Дениса: «Отличительной чертой нашего сына, и это отмечали почти все, кто хоть немного его знал, был его неконфликтный характер. У него было очень много товарищей, его все любили, и он ни с кем не конфликтовал. Эту черту отмечали и школьные учителя, и соседи по дому, где бы мы ни жили, и преподаватели с начальником курса в училище. У нас с женой трое детей и есть с кем сравнивать Дениса. Добрый и отзывчивый, а еще он всегда был и остается полноправным членом нашей семьи. Не раз он мне говорил, что мы – его надежный тыл. Хотим сказать, что он, повзрослев и став самостоятельным, не отпочковался от нашей семьи. Возможно, это из-за того, что так и не успел обзавестись своей семьей, хотя девушка, любовь... – все это у него было».

Из училищной характеристики на лейтенанта Дениса Кириченко: «Учится только на “отлично”. Является старшиной роты на своем курсе. Организаторские и волевые качества развиты хорошо. Способен самостоятельно руководить подразделением на флоте. У товарищей по службе пользуется авторитетом. Доброжелателен, выдержан, аккуратен и честен. Способен стойко переносить все трудности военной службы. Желает служить на подводных кораблях».

И снова рассказ отца Дениса ветерана-подводника Станислава Петровича Кириченко: «Во времена, когда Денис оканчивал учебу в школе, было модно организовывать ВУЗами выездные экзамены. Вот и в Мурманскую область приехали выездные комиссии. Денис пробовал свои способности и подал документы одновременно в Горьковский технологический и ВВМУРЭ им. Попова. Все прошло успешно, и впоследствии он получил вызовы в оба ВУЗа. Но поехал поступать в ВВМИОЛУ им. Ф.Э. Дзержинского и одним из лучших сдал все экзамены. Я, конечно, гордился, что сын пошел по моим стопам, хотя и не давил на него никогда (правда, один раз провел его на АПЛ, показывал, что и как). Теперь к гордости при-

мешиваются боль и сомнения... С первых дней служба на действующем флоте шла успешно. Поверьте, что это не часто в настоящее время. Сейчас для успешной службы надо много усилий. У Дениса все обстоятельства благоприятствовали. Попал на плавающий, самый современный корабль, в отработанный экипаж, не обременен семьей, место расположения базы, образ жизни, климат и т. д. – все знакомо с детства, да и я в то время находился недалеко – в Снежногорске, мог помочь и советом, и материально. За службу он взялся серьезно и примерно через месяц, первый в объединении из лейтенантов его выпуска, сдал все зачеты на допуск к самостоятельному исполнению обязанностей. За это был поощрен отпуском на 10 суток. Так что через два месяца после начала службы на СФ Денис уже приехал к нам в Ульяновск. Потом была боевая служба и снова, уже полный, отпуск за 1999 год. Сколько было рассказов о плавании, о службе, об экипаже! Они любили свой корабль, гордились службой на нем, любили флот и мечтали о том, что все на флоте изменится к лучшему, о своей флотской карьере, о планах на жизнь. Денис мечтал об академии. Он хотел окончить академию и служить по специальности (в училище он окончил кораблестроительный факультет). Мы много обсуждали с ним дальнейшую службу, перспективы. Справедливости ради надо сказать, что и у него одно время были сомнения в целесообразности службы. Навевались такие настроения под впечатлением от общения в отпуске с ровесниками и сравнения уровня жизни в большом городе и маленьком гарнизоне. Так или иначе, но решение продолжать службу было им принято.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.